

Наталья Антонова

Майна богатой
ВДОВЫ

РАССЛЕДОВАНИЕ
ЗА
ЧАШЕЧКОЙ
ЧАЮ

— Уютный детектив —

Наталья Николаевна Антонова
Тайна богатой вдовы
Серия «Уютный детектив»
Серия «Частный детектив
Мирослава Волгина», книга 24

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69242416
Тайна богатой вдовы: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-186976-2

Аннотация

Наталья Антонова радует своих читателей хитроумной загадкой: Мирославе и Морису предстоит действительно сложное дело! Следите за расследованием любимых героев в новом детективе!

В собственном доме найден мертвым известный актер Артур Дарский. У него было все: слава, любовь зрителей, деньги, красавица-жена. Версия полиции – самоубийство, но что же могло толкнуть к этому народного любимца? Дочь актера обращается к Мирославе и Морису, чтобы поймать таинственного преступника, который, похоже, умеет проходить сквозь стены: комната, где раздался смертельный выстрел, была заперта изнутри.

Ситуация осложняется тем, что в день смерти в доме были долгожданные гости...

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Наталья Антонова

Тайна богатой вдовы

© Антонова Н.Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

Читайте детективы НАТАЛИИ АНТОНОВОЙ в серии «Уютный детектив»:

СЕРИАЛ «ДЕТЕКТИВЫ-ПРОФЕССИОНАЛЫ МИРОСЛАВА И МОРИС»

ПРИУСАДЕБНОЕ УБИЙСТВО

СРЕЗАННЫЕ ЦВЕТЫ

ВЛЮБЛЕННЫЙ УБИЙЦА

ЗОЛОТАЯ УДАВКА

НЕ ДЕВИЧЬЯ ПАМЯТЬ

СЛИШКОМ ВЕРНАЯ ЖЕНА

ТУФЕЛЬКА ДЛЯ ПРИЗРАКА

ПРОЩАНИЕ С ПЛЕЙБОЕМ

РАСПЛАТА ПО ЧУЖИМ СЧЕТАМ

СМЕРТЬ В НАЧАЛЕ ВЕСНЫ

УБИЙСТВО ПО ЛЮБВИ

МЕЛОДИЯ ДЛЯ САКСОФОНА

ФУРИЯ ХХІ ВЕКА

ЗИМНЯЯ МЕСТЬ

ТЕНЬ ДРУГОЙ ЖЕНЩИНЫ

ЛЮБОВЬ КАК УЛИКА

МИНДАЛЬНЫЙ ВКУС ЗЛА

ОДНАЖДЫ ЛЕТНИМ ДНЕМ

ОРХИДЕЯ С КАПЛЕЙ КРОВИ

СМЕРТЬ ПОД ЗОЛОТЫМ ДОЖДЕМ

НЕЛОВКАЯ ПОСТУПЬ СМЕРТИ

ОХОТА ЗА БОГАТСТВОМ

ШИПЫ БЛИЗКОЙ ДРУЖБЫ

ТАЙНА БОГАТОЙ ВДОВЫ

Наталья Антонова

Майна богатой
ВДОВЫ

Москва
2023

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами
и событиями абсолютно случайно.*

Автор

Начало лета разливало упоительные ароматы, настоянные на ещё не обременительном зное. Отцветали лёгкие кисти рябин, облетали лепестки с медленно оплывающих свечей каштанов, зацветали парковые розы и тихо качались на ветру голубые, лиловые, жёлтые, белые ирисы. Природа приглашала на праздник любви, возвышенной страсти, предтечи начала всех начал. И молодым и зрелым и даже глубоким старикам весной кажется, что жизнь начинается заново...

Сад великого трагикокомедийного актёра Артура Дарского тоже трепетал молодой зеленью листвы и переливался многообразием нежных и ярких окрасок самых разных цветов, кустарников и деревьев.

Глава 1

В это июньское воскресенье Артур Владимирович Дарский был в превосходном настроении. На экраны вышел новый фильм с его участием, и Артур вновь, как в молодые годы, пожинал плоды громкой славы, не сходил с экранов телевизоров и со страниц глянцевого журналов. Ещё бы! Ведь его снова признали лучшим актёром года. К тому же он весьма обеспеченный человек. Как говорил с улыбкой сам Дарский, нищая старость мне не грозит.

Старость...

Пожалуй, только годы и могли бы омрачить настроение Артура Владимировича. 75 лет – это всё-таки немало. Но Дарский их не ощущал и не только потому, что удачно сложилась его актёрская карьера, но и благодаря молодой жене красавице Снежане.

Со Снежаной они познакомились совершенно случайно на одной из вечеринок, и Дарский, счастливо проживший в браке с первой женой Ольгой 45 лет, потерял голову, как какой-то юнец.

Ни предостережения друзей, ни возмущение родственников не остановили его.

Он развёлся с Ольгой, которая от неожиданного удара серьёзно заболела, и скоропалительно женился на юной возлюбленной.

Снежане было всего 25 лет. У неё была изумительная фигура, казалось, что девушка была вся выточена искусным мастером из слоновой кости.

Её аквамариновые глаза мерцали таинственным светом, словно исходящим из неизведанных глубин океана, густые волосы рассыпались по плечам и спине знойным золотом полуденного солнца.

Её губы напоминали Дарскому спелую сочную черешню, которую он обожал с самого детства и поедал в огромном количестве, когда родители отправляли его на летние каникулы к бабушке в Ялту.

О своей первой жене Ольге, которая подарила ему сына и дочь, он практически не вспоминал...

Да, была в его жизни женщина, положившая на алтарь любви к нему не только свою молодость, но и всю свою жизнь. Но ведь никто не просил её жертвовать собой ради его карьеры и удобства. Она сама так решила...

С детьми всё складывалось непросто. Они сразу же встали на сторону матери. И Артур Владимирович не пытался преодолеть их отчуждение. Пока полгода назад врачи не сказали ему, что, несмотря на его великолепную форму, он может не надеяться получить детей от молодой жены.

Это несколько огорчило его. Подумав, Артур Владимирович решил попробовать помириться с сыном.

То, что дочь никогда не простит его, он не сомневался ни минуты. Алевтина, несмотря на то что ей было уже сорок

лет, не шла ни на какие компромиссы.

И она, и её муж были профессорами, вкладывали знания в головы студентов и занимались научной работой.

Дарский пробовал было звонить десятилетнему внуку Олегу, но тот сказал ему: «Извини, дедушка, ты так плохо поступил с бабушкой, что я не могу дружить с тобой как прежде», и, не дожидаясь ответа деда, положил трубку.

Артур Владимирович и до этого знал, что внук унаследовал характер своей матери, но всё-таки в его душе теплилась надежда...

Звонить зятю он не стал, Никита Семёнович всегда и во всём поддерживал свою любимую супругу. Ещё в первые годы замужества дочери Дарский нравоучительно попенял зятю, что нельзя во всём слепо соглашаться с женой.

Тот искренне расхохотался и привёл слова одного из героев детективного романа, смысл их заключался в том, что только ненормальный может воображать, что я стану противоречить своей жене.

Дарский хотел обидеться, но потом ради внука решил не портить отношения с зятем и дочерью.

Впрочем, ради справедливости следует заметить, что Никита Семёнович Муравицкий дискутировал с Алевтиной Артуровной Дарской и порой довольно горячо, но только на ниве науки, вне математических проблем Никита Семёнович никогда не спорил с женой.

Кроме непокорной дочери у Дарского был ещё сын Сер-

гей. Он моложе сестры на 12 лет. Год назад Сергей женился. Но отца на свадьбу не пригласил, на поздравительное письмо ответил коротким: «Спасибо».

Совсем недавно Дарский узнал, что сноха Лида ждёт ребёнка. Раздобыв номер телефона, он позвонил молодой женщине и попросил её о встрече в кафе. К его радости и удивлению, она сразу согласилась. И они встретились. Дарскому удалось внушить снохе, что он любит сына и мечтает о внуке.

Результатом его актёрского мастерства и проявления истинных отцовских чувств было то, что Лида согласилась уговорить мужа нанести визит отцу.

Помогло ему и то, что молодая женщина была с детства влюблена в актёра Дарского, однако этого Артур Владимирович не знал. Хотя Лида и упомянула вскользь о том, что его обожает её мама.

Сноха позвонила Артуру Владимировичу на сотовый и сказала, что муж не против примирения с отцом.

Дарский предвкушал очередной триумф и готовился к нему. Артур Владимирович был несказанно доволен тем, что юная супруга не меньше, чем он сам, обрадовалась предстоящей встрече отца и сына.

К приёму дорогих гостей готовились целую неделю. Все приготовления Снежана взяла в свои руки. При этом она не забывала поддерживать мужа в краткие минуты его сомнений в том, что всё будет хорошо.

Гости должны были приехать к двенадцати, но они прие-

хали на десять минут раньше. Их встретила сама хозяйка.

Женщины оглядели и оценили друг друга.

Снежана стройная, с прямой спиной и высоко поднятой головой в длинном платье цвета морской волны, ненавязчиво облегающем её тело, выглядела королевой на фоне миловидной, но не блистающей яркой красотой Лидии.

Хозяйка дома осталась довольна своим превосходством, но виду не подала. Она нашла возможность похвалить свободное тёмно-розовое платье снохи и кулон в виде распускающегося цветка шиповника. Рубины в кулоне были настоящие, но ни в какое сравнение не шли с изумрудами в колье и серьгах Снежаны.

Простодушная Лида поблагодарила молодую мачеху мужа за комплимент и тихо пролепетала: «Вы тоже очень красивая».

Снежана снисходительно улыбнулась и, приобняв молодую женщину за талию, пригласила дорогих гостей в дом. По лицу пасынка она заметила, что он сильно волнуется.

Сергей и впрямь был взволнован. Он очень любил отца и тяжело переживал разрыв с ним. Ему казалось, что можно любить обоих родителей. Сестра же обвиняла его в мягкотелости. Её упрёки больно ранили Сергея, но он отмалчивался, скрывая от окружающих свои душевные терзания.

Когда Лида рассказала ему о встрече, он сначала возмутился, подсознательно пытаясь скрыть от самого себя охватившую его радость. Но потом пришёл к выводу, что жена

поступила правильно и не стоит упускать выпавший шанс примирения с отцом, тем более что тот сделал первый шаг.

И вот они в его доме. Скоро, совсем скоро он увидит отца, которого не видел два года, не считая его бесконечных изображений в журналах, газетах и на экране. Но ведь это совсем не то...

Теперь же он сможет пожать отцу руку, обнять его. Они смогут уединиться в кабинете отца и поговорить обо всём на свете, как это случалось в былые времена. К достоинствам Дарского-старшего относилось то, что, несмотря на свою занятость, он находил время для детей. Особенно для сына.

По лицу жены Сергей видел, что Лида тоже волнуется. Она время от времени крепко сжимала его руку. И он ощущал лёгкую влагу её ладони.

Глава 2

Когда они вошли в шикарно обставленную гостиную, часы пробили двенадцать пополудни.

– Проходите, располагайтесь, я сейчас скажу Артуру, что вы уже здесь, – ласково улыбнулась гостям Снежана.

Лида сразу же принялась рассматривать цветы в напольных вазах, она была начинающим цветоводом и мечтала выращивать самые разные растения на их небольшом участке. В настоящее же время цветы в ящиках и горшках заполняли почти весь балкон их двушки. Многие из них на зиму перекочёвывали в квартиру.

Лида тихо вздохнула, понимая, что таких великолепных роз и тем более орхидей, как в доме отца мужа, ей не вырастить, по крайней мере, в ближайшее время.

– Ты чего? – тихо спросил муж.

– Красиво очень, – выдохнула она в ответ с рассеянной улыбкой.

Сергей кивнул и присел на диван. Снежана, оставив их вдвоём, отправилась в кабинет мужа.

Дарский готовился к съёмкам нового фильма. Репетировать он предпочитал в одиночестве в своём любимом кабинете, который представлял собой комнату со стенами, обтянутыми алым шёлком. Мебель, портьеры были красного цвета, даже ковёр на полу был багряным.

Снежана всякий раз, когда бывала в кабинете мужа, чувствовала себя неуютно. От обилия красного у неё так сильно кружилась голова, что казалось, будто пол под ногами ходит ходуном. Но не в её правилах было указывать мужу, как оформлять свой кабинет и как готовиться к работе.

Она с замиранием сердца поднялась на второй этаж. Сегодня она была особенно нарядной, направляясь к кабинету мужа, женщина чувствовала, как под дизайнерским платьем по спине стекают струйки пота, а сердце тем временем колотится почти у самого горла.

Прошло всего несколько минут. Снежана комкала в руках сорванные перчатки, того же цвета, что и платье. Она нажала на дверь посильнее, но та не поддавалась, и молодая женщина стала стучать: «Артур, открой, пожалуйста, я же знаю, что ты там. Серёжа и Лида уже ждут внизу».

Но Дарский не спешил отзываться и открывать дверь жене.

– Артур, что о нас подумают гости! Ну, пожалуйста! Я знаю, что ты не любишь, когда тебе мешают, но ведь ты сам их пригласил.

Из-за двери не раздалось ни звука. Снежана увидела спешащую по своим делам горничную Алику. Та подошла к хозяйке и приложила ухо к двери.

– Ничего не слышно, – сказала она и ойкнула, прижав руку ко рту.

– Что с тобой? – спросила Снежана.

– Вдруг Артуру Владимировичу стало плохо с сердцем?
В глазах Снежаны промелькнуло беспокойство.

– Иди, позови кого-нибудь, – велела она. И горничная быстро побежала вниз, цокая крохотными каблучками до-
машних туфель.

Через некоторое время у двери уже стояли Сергей Дар-
ский и личный шофёр Артура Владимировича Руслан Зеле-
нин – молодой широкоплечий мужчина двадцати восьми лет.
Он переступал с ноги на ногу и вопросительно смотрел то
на хозяйку, то на Сергея Дарского.

– Нужно попробовать позвонить ему, – пискнула из-за его
плеча Алика.

Зеленин вытащил сотовый и набрал номер хозяина. В ка-
бинете тотчас заиграла «Марсельеза». Все замерли и ждали
до тех пор, пока телефон не умолк.

– Не берёт трубку, – прошептала горничная.

Чуть позже появился запыхавшийся садовник Иван Фи-
латович Черешня. Алика не смогла его найти и послала ему
смс, чтобы срочно явился к кабинету работодателя.

– Я в теплице был, – пробормотал садовник, оправдыва-
ясь.

Алика шёпотом объяснила ему, в чём дело.

– Надо открыть дверь, – решительно заявила Снежана, –
скорее всего мужу стало плохо с сердцем.

– Нужно вызвать мастера, – проговорил Сергей и достал
сотовый.

Водитель переглянулся с садовником, и Зеленин сказал: «Мы сами, Снежана Эдуардовна, можем открыть дверь кабинета, только надо сходить за инструментами».

Руслан ушёл и вернулся минут через десять. Всё это время никто из стоявших возле двери не проронил ни слова.

Ещё через десять минут дверь была открыта. Снежана хотела войти первой, но тотчас отшатнулась.

И все присутствующие увидели хозяина кабинета. Артур Владимирович Дарский лежал вниз лицом в луже крови. В руках он сжимал окровавленный ключ.

– Боже, он пытался отпереть дверь, – вскрикнула горничная и зарыдала.

– Перестань! – прикрикнул на неё Черешня.

А Зеленин взял девушку за плечи и отвёл в коридор, где она продолжила тихо плакать.

Сергей снова достал сотовый и набрал номер полиции.

* * *

Сообщение об убийстве актёра поступило на пульт управления дежурного.

– Группа на выезд!

Следователь Александр Романович Наполеонов сидел в автомобиле и смотрел в окно. Убийство на сегодня у него запланировано не было...

Следователь мечтал, что дежурство завершится мирно,

спокойно и он отправится к своей подруге детства, владелице детективного агентства «Мирослава», где его ждал вкусный ужин, приготовленный сотрудником агентства Морисом Миндаугасом, и тихий вечер в кругу друзей. Он собирался также спеть им свою новую песню.

И даже приготовил подношение несносному, с его точки зрения, коту Дону, который считал себя, по-видимому, властителем мира, по крайней мере, дома Мирославы точно.

Но увы! Его планы разбиты! Какому-то злодею приспичило убить великого актёра именно в его дежурство. «Вот гад!» – раздосадованно подумал Наполеонов.

Приехав на место преступления и осмотрев его, сотрудники полиции оказались в тупике.

Актёр был обнаружен группой родственников и прислугой в собственном кабинете за закрытой дверью, которую пришлось взломать водителю и садовнику. На окнах были витиеватые чугунные решётки, и пролезть сквозь них не могла даже кошка.

Ключ, вынутый из рук актёра, был отправлен на экспертизу. Однако по следам крови в замке было ясно, что Дарский пытался открыть дверь, но силы оставили его.

Пистолет, из которого актёр был застрелен, принадлежал ему и, со слов вдовы, хранился здесь же, в кабинете, в ящике письменного стола.

Это можно было бы назвать самоубийством и закрыть дело. Но смущало одно – на руках убитого не было следов по-

роха...

Следователь расспросил вдову о том, есть ли в кабинете ещё какие-либо двери. Но она уверенно ответила: «Нет».

Однако оперативники всё-таки исследовали пол, стены, потолок в поисках тайного хода. Их усилия оказались тщетными. Это только в старинных книжках сыщики находят тайные ходы, переходы, пещеры и подземелья и на протяжении всего действия морочат голову себе и читателям. Здесь же ничего подобного не было и в помине.

Следователя удивило и то, что никто не слышал звука выстрела. Ни родственники, ни обслуга. Но ответ на этот вопрос оказался простым. Вдова Дарского объяснила, что стены в кабинете мужа звуконепроницаемые, так как Артур Владимирович хотел, чтобы никакие посторонние звуки не отвлекали его от творчества. Наполеонов мысленно развёл руками.

И что же получается? Актёр убит в закрытой комнате. Кем? Невидимкой, умеющим проходить сквозь стены? Абсурд!

Хотя на пистолете отпечатки пальцев имелись. Экспертизе предстояло установить, принадлежат ли они Дарскому.

Беседа с родственниками и персоналом ничего не дала. Люди были растеряны и подавлены. На сына жертвы вообще было страшно смотреть. Красавица вдова старалась держаться, но вид её вызывал жалость.

Следователь не видел, какой она была ещё совсем недав-

но, но Лидия с испугом заметила, что из уверенной в себе женщины Снежана превратилась в растерянную девочку, над которой больше не были распростёрты крылья старого орла, защищавшие её от всех проблем и ненастья.

И Лида, наверное, проникнувшись к ней сочувствием, бросилась бы утешать Снежану, если б в ещё большем утешении не нуждался её собственный муж. Поэтому она держала за руку Сергея и сжимала его пальцы, как бы говоря: «Я здесь, я с тобой».

И он, заметив это, слабо кивнул жене в знак признательности.

Все присутствующие были опрошены под протокол. Особое внимание было уделено тем, кто был возле кабинета актёра.

Жена сына Лидия Дарская оставалась в гостинной, что подтвердила домработница, которую попросил побыть с женой столкнувшийся с ней в дверях Сергей, после того как запинаясь на каждом слове горничная попросила его подняться наверх.

Вера Никитична как раз собиралась узнать, когда же гости и хозяева сядут за стол.

Кухарка уже несколько раз сердито выговаривала ей по телефону, что обед давно готов и остывший он уже ни на кого не произведёт должного впечатления.

Вера Никитична ждала звонка хозяйки, но её телефон упорно молчал, вот она и отправилась лично узнать, в чём

собственно дело.

Перепуганный Сергей едва не сбил её с ног и попросил побыть с его женой, пока он поднимется в кабинет отца.

Домработница предположила, что у хозяина прихватило сердце, но не сильно обеспокоилась. Ей было любопытно пообщаться со снохой Дарского. Молодая женщина сразу спросила, как её зовут, представилась сама и вела себя непринуждённо и просто.

«Не заносится», – с удовлетворением отметила про себя Вера Никитична. Она охотно рассказала молодой женщине, что в усадьбе Дарского есть оранжерея, где и выращиваются розы, орхидеи, лилии и многие другие цветы. Но ей лучше попросить свёкра или Снежану Эдуардовну, чтобы он отвёл её туда. А уж их садовник Черешня Иван Филатович непременно ей всё расскажет подробно.

Потом на сотовый Веры Никитичны позвонила кухарка и снова стала роптать. Домработница как могла её успокаивала: «Зинаида Марковна, тут непредвиденные обстоятельства, что-то с хозяином. С минуты на минуту всё разъяснится».

Кухарка Зинаида Марковна Лаврова тоже была допрошена. Но она вообще ничего не могла сказать по существу и постоянно возвращалась к вопросу о простывшем обеде. «Теперь его остаётся только выбросить», – сокрушалась пожилая женщина.

Наполеонов с удовольствием посоветовал бы ей этим обе-

дом, пусть и остывшим, накормить находящихся в доме полицейских, но по уставу не положено. А жаль...

Так что группа уехала несолоно хлебавши – и без обеда, и без хотя бы одной стоящей версии гибели великого актёра.

Глава 3

К Мирославе Шура прибыл глубокой ночью. Но его всё равно накормили и выслушали. Даже зевающий каждые пять минут Дон оставался в комнате до самого конца.

– Убит сам Дарский? – с удивлением и сожалением воскликнула Мирослава.

– Или он сам себя убил, – вздохнул Наполеонов.

– Но почему?! Он купался в славе и деньгах! Его обожают миллионы зрителей! И, несмотря на его возраст, по нему сходят с ума толпы поклонниц.

– Никогда не понимал таких женщин, – проворчал Шура.

– Я тоже, – согласилась Мирослава, – но не в этом суть.

Скорее всего, хозяин усадьбы всё-таки был убит...

– Но на ключе, вставленном в дверь, скорее всего следы его пальцев и крови.

– Дождись заключения экспертов, – сказала Мирослава.

– Дождись, куда я денусь, – ответил Наполеонов, – но я предполагаю, что он пытался открыть комнату, однако у него не хватило сил.

– Зачем он её закрывал?

– Чтобы застрелиться!

– А смертельно раненный решил дверь открыть?

– Ну...

– Надо дождаться экспертизы, – согласился с Мирославой

Морис.

– Естественно, – ответил Наполеонов. – Но посудите сами, окна в комнате закрыты, тайных ходов нет. Как убийца мог проникнуть в закрытую комнату, непонятно. В доме были: молодая жена хозяина, его сын с женой, домработница, горничная, кухарка, садовник, водитель, внучка домработницы.

– А не могли его убить после того, как открыли кабинет? – спросил Морис.

– Застрелили на глазах у всех? – усмехнулся Наполеонов.

– Да, незадача...

– А ещё родственники есть у Дарского?

– Есть. Дочь, зять, внук и дядя.

– Я читал, – проговорил Морис, – что Дарский, чтобы жениться на молоденькой, разошёлся с женой, с которой прожил сорок пять лет.

Наполеонов кивнул, с аппетитом поглощая, несмотря на позднее время, жаркое.

– Ещё в СМИ писали, что дочь не простила отца и ухаживает за матерью, – снова заговорил Морис.

– Дочери в момент гибели Дарского в доме не было, – буркнул Шура.

– Так же в одной из газет было написано, – не обращая внимания на бурчание Наполеонова, продолжил Миндаугас, – что Дарский поссорился с дядей и другом из-за своей женитьбы.

– Послушай, – не выдержал следователь, – когда ты успе-

ваешь читать всю эту бурду?!

– Детективное агентство должно быть в курсе разных новостей.

– Бред! – фыркнул Наполеонов.

Морис не стал говорить ему, что на информацию о Дарском он наткнулся чисто случайно, когда они занимались совсем другим делом. Почему изучил её, Миндаугас не знал. Мирослава непременно бы объяснила это интуицией, а родная тётя Мирославы писательница Виктория Волгина обязательно присовокупила бы что-нибудь насчёт Вернадского с его ноосферой. Поэтому Морис предпочитал не распространяться на тему своего интереса к тому или иному материалу.

За окном светила луна, почти прижавшись лбом к стеклу террасы. Шура допил чай и сладко зевнул. «Сегодня придётся обойтись без песен», – промелькнуло у него в голове, и он почувствовал, что начинает засыпать прямо за столом.

Спать легли поздно. А вставать пришлось как всегда...

Утро распускалось точно цветок после ночного сна, один за другим распрямляя лепестки сначала прозрачно-серебристые, затем розовые, а потом покрывающиеся пылью золота солнечных лучей.

На работе Наполеонова поджидали неутешительные выводы экспертов. Следов пороха на руках актёра и при пристальном изучении не обнаружено. На ключе отпечатки актёра и больше ничьих нет. На пистолете тоже.

На ящике письменного стола имелись только свежие отпечатки Дарского. Да и в кабинете только его пальчики...

«А вот это уже странно... – подумал следователь, – в кабинет должны были заходить другие люди, та же жена, горничная. Куда же делись отпечатки их пальцев?»

Наполеонов решил позднее ещё раз поговорить со Снежной Эдуардовной. И созвонившись, отправился в дом Дарских ближе к вечеру. Несмотря на то что стрелки приближались к восьми, солнце и не думало склонять свой яркий лик к горизонту.

Вдова сама встретила следователя у ворот, подождала, пока он припаркуется, и провела его в библиотеку, объяснив, что это самое тихое место в доме.

Наполеонов удивился: «Кому в доме шуметь, если нет ни детей, ни животных, не обслуге же резвиться в эти траурные для дома дни». Но вслух он, разумеется, ничего не сказал.

Снежана предложила следователю кофе, но он отказался и попросил простой воды.

Хозяйка открыла находившийся здесь же в библиотеке бар и достала бутылку минеральной воды и два стакана. Наполнив их, она пододвинула один из стаканов Наполеонову.

Следователь поблагодарил и чуть ли не залпом выпил его. В библиотеке, видимо, работал не бросающийся в глаза кондиционер, так как уличной жары здесь не ощущалось.

Хозяйка пила свой стакан воды не спеша и из-под опущен-

ных ресниц рассматривала следователя. По её внешнему виду можно было судить, что в успех расследования она не верила, а от полиции ожидала только досадных проволочек.

– Я не задержу вас надолго, – сказал Наполеонов, – у меня к вам несколько вопросов, из-за которых мне не хотелось вызывать вас в такую жару повесткой.

Она кивнула, то ли соглашаясь, то ли просто выражая признательность за заботу.

– Как вы объясните то, что в кабинете вашего мужа нет отпечатков пальцев других людей, даже ваших и горничной?

– Очень просто, – ответила Снежана, – муж не любил, чтобы кто-то заходил в его кабинет.

– Даже вы?

– Да.

– И вы никогда не входили в кабинет мужа? – не поверил следователь.

– Входила иногда, но дальше порога не шла, – ответила она нехотя.

– Но горничная должна была там убираться, пыль вытереть, пол протереть.

– Муж в своём кабинете убирался сам.

– Интересно, – пробормотал Наполеонов, он тоже по мере возможности сам убирался в своей комнате, но ведь он не великий актёр и не владелец загородного дома.

– Видите ли, – проговорила тем временем вдова, – у великих людей есть свои странности.

Наполеонов понимающе кивнул.

– Артуру казалось, – продолжила Снежана, – что аура его кабинета должна быть нетронутой.

Следователь снова кивнул и невольно вспомнил свой кабинет, в котором кто только ни топтался...

– Снежана Эдуардовна, вы не помните, время встречи с сыном назначил ваш муж или его предложил Сергей?

– Муж, – уверенно ответила женщина.

Наполеонов поднялся.

– Вы уже уходите? – удивилась вдова.

– Да, я узнал то, что мне нужно, спасибо за воду.

– Не стоит, – слегка смутилась она и тут же добавила: – Сергей и Лида очень волновались, когда приехали к нам. А потом они оба были бесконечно расстроены.

– И жена Сергея?

– О да, и на Лиде, и на Сергее просто не было лица. Неужели вы не заметили?

Следователь если и заметил, то посчитал это естественным, ведь они только что узнали о смерти близкого человека. «С ними я ещё успею поговорить», – подумал Наполеонов, не отвечая на вопрос вдовы, простился с ней и покинул дом.

С обслугой он сумел поговорить в день убийства. Горничная, кухарка, домработница, водитель и садовник в один голос заявили, что Артур Владимирович и Снежана Эдуардовна жили душа в душу. Поэтому пока к ним больше не было вопросов.

На следующее утро у следователя была назначена встреча с дочерью Дарского, и он попытался морально к ней подготовиться.

Увидев Алевтину Дарскую входящей в свой кабинет, он невольно удивился тому, как дочь похожа на отца – тот же орлиный профиль, тонкие, иронично поджатые губы, ясные серые глаза и густые каштановые, довольно коротко подстриженные волосы.

– Вы вызывали меня? – спросила она, прикрыв за собой дверь.

– Да, присаживайтесь, пожалуйста, Алевтина Артуровна, – Наполеонов указал ей на кресло напротив себя.

Женщина молча села. Наполеонов наблюдал за её бесстрастным лицом и мысленно недоумевал.

– Я, следователь, Александр Романович Наполеонов, расследую дело об убийстве вашего отца.

Она коротко кивнула.

– И очень рассчитываю на вашу помощь, – проговорил он как можно мягче.

– Боюсь, что я ничем не смогу вам помочь, – ответила Алевтина Артуровна.

– Но...

– Дело в том, – перебила она его, – что я не виделась со своим отцом два года.

– Совсем? – не поверил следователь.

– Если не считать его лица, мелькающего в телевизоре, –

грустно улыбнулась она.

– Я слышал...

– Да, вас уже, вероятно, проинформировали, – снова перебила она его, – что мы перестали общаться с отцом с момента его женитьбы на Снежане.

– В жизни бывает всякое, – проговорил Наполеонов, – близкие люди ссорятся, потом мирятся, прощая друг друга.

– Предательство простить нельзя, – твёрдо произнесла Алевтина Артуровна.

«Сегодня ты изменил жене, а завтра – Родине!» – невольно вспомнилось Наполеонову. Утверждение спорное. Но вступать в дискуссию с Дарской следователь не собирался. Вместо этого он спросил:

– Как вы думаете, кому была выгодна смерть вашего отца?

– Снежане, – ответила Алевтина Артуровна не задумываясь.

– Почему вы так считаете?

– А вы прочитайте завещание отца, и вам всё станет ясным, – отрезала Дарская.

– Вы хотите сказать, что отец лишил вас наследства?

– Не хочу сказать, а говорю это, – уточнила она с ироничной усмешкой.

– Он сам сказал вам об этом?

– Нет, он ничего мне не говорил.

– Но тогда...

– Зная натуру отца, нетрудно предсказать его поступки, –

в который раз перебила его Алевтина Артуровна.

– И какова же была эта натура?

– Отец очень любил себя, был о себе высокого мнения и не терпел, если кто-то оценивал его поступки негативно.

– Понятно...

– К тому же, – добавила Дарская, вздохнув, – отец был безумно влюблён в эту молодую хищницу.

– Вы считаете, что Снежана вышла замуж за вашего отца из-за денег?

– А из-за чего же ещё девушка может выйти замуж за старика? – грустно усмехнулась Алевтина Артуровна.

– Ну...

– Только не говорите мне о большой платонической любви.

– Почему платонической? – не понял следователь.

– Сами вы не догадываетесь? – с грустной насмешкой в голосе заметила Дарская и посмотрела на Наполеонова как на недотёпу.

– Между прочим, – ответил тот, – даже у столетних старцев бывают дети от юных жён.

– А ДНК проводили?

– Что?

– Имеются ли научно обоснованные доказательства, что это именно их дети?

– Я не знаю, – растерялся Наполеонов.

– То-то и оно. – Алевтина Артуровна посмотрела на него

с видом победительницы.

– И всё же я склонен считать, что Снежане не было смысла убивать вашего отца. Судя по всему, она жила с ним как у Христа за пазухой. Ваш отец, по словам свидетелей, заботился о ней, выполнял все её желания и решал любые проблемы. Теперь же ей придётся заботиться о себе самой.

– Может быть, есть тот, кто о ней позаботится, – неопределённо произнесла Дарская.

– Вы намекаете на то, что у вашей мачехи имеется любовник? – прямо спросил следователь.

– Мачехи! – сердито фыркнула Алевтина Артуровна и ответила: – Я ни на что не намекаю.

– Но вам что-то известно?

– Нет!

– И всё же вы предполагаете?

– Предполагаю, – кивнула она.

– На каком основании?

– На основании физиологии.

– То есть?

– Молодому организму требуется секс. И если муж-старик не может удовлетворить, то всегда найдётся тот, кто поможет молодой красивой женщине.

Наполеонов решил переменить тему.

– Скажите, – спросил он, – у вашего отца имелись другие родственники, кроме детей?

– Только его дядя – Иван Гаврилович Дарский и жена дя-

ди Роза Соломоновна и ещё мои двоюродные братья и племянники.

– Вы хотите сказать, ваш дядя?

– Нет, дядя моего отца! И примите к сведению, что я всегда точно выражаю свои мысли и говорю именно то, что хочу сказать.

– Понятно. И сколько же лет дяде?

– Дяде 90 лет. Тёте 85.

– И они ещё...

– Да, они ясно мыслят и ведут активный образ жизни.

– И они поддерживали отношения с вашим отцом?

– После развода с мамой нет.

– Интересно...

– Закономерно. Они порядочные люди! – отрезала Дарская.

– А ваши двоюродные братья и племянники?

– Они живут за океаном уже много лет. А племянники там и родились.

– Они часто навещают родителей?

– Нет. То есть ни разу не приезжали. Всегда к ним месяца на два, на три уезжают в гости дядя с тётей.

– Почему же ваши родственники не переедут к детям?

– Потому, что они хотят жить и умереть на родине.

Судя по выражению лица Алевтины Артуровны, Наполеонов не удивился, если бы вместо ответа она сказала ему: «Это не ваше дело».

подавив тяжёлый вздох, он задал очередной вопрос:

– А ваш брат сожалел о разрыве с отцом?

– Да, – признала она, и в глазах её промелькнула печаль.

«Хоть какое-то чувство», – подумал следователь.

– Вы знаете, что отец пригласил Сергея с женой к себе?

– Знаю. Думаю, что именно это и погубило его.

– Приглашение в гости сына и невестки?

– Скажем так – намерение отца наладить отношения с Серёжей.

– Не могли бы вы выразаться точнее?

– Да куда уж точнее, – усмехнулась Дарская, – тот, кто убил его, боялся, что отец изменит завещание.

– Послушайте, как бы вам этого ни хотелось, ваша мачеха не могла убить вашего отца!

– Это ещё почему? – искренне удивилась Алевтина Артуровна.

– Потому, что дверь кабинета вашего отца была заперта с той стороны, и ваш отец держал ключ в руках. Видимо, он пытался открыть дверь, но не смог.

– Не удивлюсь, если эта ведьма прошла сквозь закрытую дверь, – не моргнув глазом заявила Дарская.

На этот раз Наполеонов не стал подавлять вздоха и вздохнул от души.

– Давайте подпишу ваш пропуск, – сказал он.

Она молча протянула ему требуемую бумагу, а потом ушла не прощаясь.

– Действительно, чего прощаться, – пробурчал ей вслед Наполеонов, – ещё придётся, скорее всего, не раз увидеться.

Ответом Алевтина Артуровна его не удостоила.

– Не женщина, а скала! – вырвалось в сердцах у следователя. Не понравилась ему дочь Дарского, ох и не понравилась. Алевтина Артуровна произвела на него впечатление человека бескомпромиссного и жёсткого. А где жёсткость, там недалеко и до жестокости, считал Наполеонов.

Но вот завещание настораживало – всё было завещано вдове...

Хотя это только со слов актёра или предположений его дочери.

«Надо бы потолковать с нотариусом Дарского», – подумал Наполеонов и решил не откладывать дела в долгий ящик. Выяснив по телефону, кто является нотариусом Дарского, он позвонил в его контору и назначил встречу сразу после обеда.

Нотариусом оказался сухопарый пожилой господин с рыжеватыми волосами и такими же усами. Дополняли его облик зеленоватые глаза, которые делали мужчину похожим на дворового кота. Почему на дворового, Наполеонов объяснить не мог.

Нотариус, естественно, не обрадовался приходу следователя, стал ссылаться на тайну и намекать на ордер.

– Голубчик вы мой, – обратился к нему жизнерадостно следователь, – я, конечно, вас понимаю и ордер вам прине-

сти могу, но зачем нам разводить такую бюрократическую волокиту?

– Простите! – попытался возмутиться нотариус.

– Прощаю! – великодушно ответил Наполеонов и подмигнул вконец обалдевшему нотариусу.

Тот приоткрыл рот, вероятно, собираясь дать отпор столь беспардонному обращению, но Наполеонов тронул его за рукав, стряхнул с него невидимую пылинку и проговорил душевно, заглядывая нотариусу в глаза:

– Вы можете не отвечать на мой вопрос...

– Не понял? – вытаращил тот на него глаза.

– Я сам скажу. И если я прав, то вы просто кивните. Хорошо?

Нотариус сглотнул слюну, и по выражению его лица следователь понял, что ради того, чтобы избавиться от него, он пойдёт ему навстречу.

– Артур Владимирович Дарский в завещании всё своё имущество и денежные средства отписал жене.

Нотариус кивнул.

– Ну, вот и умница, – похвалил его Наполеонов, – а вы боялись. Намеревался ли Дарский изменить завещание?

Нотариус пожал плечами.

– То есть вам об этом ничего не известно? – уточнил следователь.

Нотариус кивнул.

Следователь уже давно ушёл, а нотариус так и стоял по-

среди комнаты, точно жена легендарного Лота.

– Так, так, – бормотал Наполеонов, усаживаясь за руль своей белой «девятки», – хотел или нет изменить погибший завещание, нотариус не знает. Но ведь пригласил же он сына и сноху, значит, хотел наладить отношения.

– Чёрт! – воскликнул следователь в который раз. – Никто не мог застрелить его в закрытой комнате. Потому, что это просто вне человеческих сил. Значит, всё-таки самоубийство? Но какие причины? Если только актёр узнал об измене горячо любимой молодой супруги...

Вдруг Алевтина Артуровна права...

Глава 4

Мирослава размешала чай в чашке и спросила:

– Морис, почему ты всё время ночуешь дома?

– А что, я должен ночевать на крыльце? – искренне удивился он.

– Почему на крыльце? Ты мог бы, например, для разнообразия заночевать у своей подружки.

– У Шуры? – усмехнулся Миндаугас.

– Шутишь? А я серьёзно.

– Вы хотите, чтобы меня в какие-то дни не было в этом доме? – прямо спросил он, и глаза его стали холодными.

– Не в этом дело, – пожалала она плечами, – просто должна же у тебя быть хоть какая-то личная жизнь.

– Вам не кажется, – проговорил он, – что личная жизнь называется личной именно потому, что касается только самого человека.

– Не злись! Я же о тебе беспокоюсь.

– Угу. Как это говорят у вас в России: «Я ему добра желаю, в воду толкаю, а он на берег лезет».

– Ладно, проехали, – вздохнула она.

– Проехали, – облегчённо согласился он, радуясь втайне, что легко отделался и ему не придётся выслушивать лекцию о том, как полезен секс для здоровья.

Месяца два назад ему её пыталась прочитать Мирослави-

на подруга Люся, или, как зовут её друзья, Люси. Но Люси он хладнокровно поставил на место. Ссориться же с Мирославой совсем не входило в его планы. «Интересно, почему она Шуру с этим вопросом не достаёт», – подумал он.

Тут раздался звонок.

– О! К нам кто-то пожаловал. Хотя мы никого не ждём, – сказала Мирослава.

– Пойду, посмотрю, – проговорил Морис и поднялся со стула.

За воротами стоял серебристый «Ниссан». Из него высу- нулась голова женщины с короткой стрижкой и спросила:

– Я могу въехать?

«Интересно», – подумал Морис и спросил:

– Вы к кому?

– Мне нужна Мирослава Волгина.

– По какому вопросу?

– Это я скажу ей лично, – отрезала дама.

– Вам назначено? – продолжал упорствовать Морис.

– Нет, чёрт возьми! – рявкнула она. – Мне рекомендовали её как лучшего детектива города!

– Кто рекомендовал?

– Семён Павлович Оболенский.

– Вы помните его телефон?

– Чей телефон?!

– Оболенского, – бесстрастно прозвучал голос Миндауга- са.

– Естественно!

– Назовите.

– Я сейчас развернусь и уеду!

– Ваше право, – холодно ответил он.

– Хорошо! – Она продиктовала цифры.

– А теперь представьтесь.

– Алевтина Артуровна Дарская – дочь известного актёра, – она запнулась на миг, – убитого.

Морис перезвонил Мирославе на мобильник.

– С вами хочет побеседовать Алевтина Артуровна Дарская по рекомендации Семёна Павловича Оболенского.

Дарская начала закипать, но всё-таки взяла себя в руки. Семён Павлович предупреждал её, что сначала нужно с агентством созвониться, но она не придавала этому значения. И вот теперь пожинает плоды своей самоуверенности.

К большому облегчению, Дарская догадалась, что Мирослава дала добро, так как высокомерный блондин отошёл в сторону и позволил ей заехать на территорию, принадлежащую то ли агентству, то ли самой Волгиной лично. Оказавшись на подъездной дорожке, Алевтина Артуровна выбралась из машины и последовала за блондином.

– Меня зовут Морис Миндаугас, – проговорил он не обращившись.

– Не могу сказать, что меня это радует.

Он хмыкнул и добавил:

– Чтобы попасть на беседу к Мирославе Волгиной, нужно

прежде созвониться и прибыть в назначенное вам время.

– К губернатору легче попасть на приём, – не осталась в долгу Дарская.

– Однако к губернатору вы не поехали. Насколько я понял, вам нужен именно детектив и именно Мирослава Волгина.

– Вы всё правильно поняли, – отрезала она, решив больше не пререкаться с ним. Кто знает, в каких отношениях он состоит с этой неведомой Мирославой. Вдруг он сумеет настроить её против, и она откажется взяться за дело.

Мирослава тем временем уже ждала посетительницу в кабинете. Она чуть привстала, когда вошла Дарская. И та невольно поморщилась: «Как молода! Но Оболенский так хвалил её!»

По губам Мирославы скользнула почти незаметная улыбка, и приятным голосом она предложила:

– Присаживайтесь, Алевтина Артуровна.

– Вы, конечно, в курсе, что убили моего отца?

– Мне известно, что в своём кабинете был найден мёртвым великий актёр Артур Владимирович Дарский. Вы его дочь?

Дарская кивнула.

– И что вы хотите от нашего агентства?

– Как что?! Чтобы вы нашли убийцу моего отца!

– Насколько мне известно, этим делом занимается полиция...

– Занимается! Как же! Они считают, что мой отец сам свёл счёты с жизнью!

– А вы уверены, что это не так?

– Абсолютно! Мой отец никогда не смог бы убить себя.

– Но он обнаружен в закрытой комнате.

– Да, – вздохнула Дарская, – и я хочу, чтобы вы разгадали эту загадку.

– Может быть, и нет никакой загадки? – осторожно спросила Мирослава.

– Есть!

– Вы лично подозреваете кого-то?

– Да, его жену.

– У неё был мотив?

– Ещё спрашиваете!

– Какой?

– Деньги моего отца!

– Но разве он собирался с ней развестись?

– Насколько мне известно, нет, – нехотя признала Дарская.

– Тогда в чём дело? Ваш отец немолод. Она вполне спокойно могла дожидаться его естественной смерти.

– Могла, но всё дело в завещании.

– В каком?

– По нынешнему завещанию отца всё отходит молодой вдове.

– Вы уверены?

– Зная моего отца, абсолютно!

– Ваш отец собирался изменить завещание?

– Не знаю, но предполагаю, что да.

– Вы помирились с ним?

– Нет. И не думала. Но он пригласил к себе в этот день

Сергея с женой. Сергей – это мой брат.

– И что?

– Серёжа очень любил отца и был бы рад наладить с ним отношения. Но Снежане, это моя мачеха, их примирение было ни к чему.

– И вы считаете, что она убила вашего отца?

Дарская кивнула.

– Насколько мне известно, у неё не было такой возможности...

– А вы найдите!

– Хорошо, я возьмусь за это дело, но вполне возможно, что это было всё-таки самоубийство.

– Значит, она довела отца до самоубийства!

– У неё были любовники?

– Не знаю. Но должны быть. Сами подумайте – отцу семьдесят пять, ей двадцать пять!

– Хорошо. В приёмной вы подпишете договор и внесёте аванс. А пока ответьте на мои вопросы.

– Задавайте.

Мирослава оценивающе посмотрела на сидящую перед ней женщину. Красивая взрослая дама, по всему видно,

что состоявшаяся и в личной, и профессиональной жизни. Но как пугающе бескомпромиссна...

– Алевтина Артуровна, а вы не собирались помириться со своим отцом?

– Я же сказала, нет!

– Значит, вам отец не оставил бы часть наследства?

– Естественно, нет, – усмехнулась она.

– А у вас есть дети?

– Какое это имеет значение?

– Большое. Возможно, ваш отец любил внуков и мог оставить какую-то часть им...

– Нет! – прервала её Дарская.

– В каком смысле нет?

– В том, что у меня есть сын и они были дружны с дедом.

Но после его женитьбы на этой, – Дарская сморщилась, – их отношения прекратились.

– Вы надавили на сына?

– Я никогда не давлю на сына. Он решает сам, как ему поступить.

«Может, и сам, – подумала Мирослава, – но явно с оглядкой на авторитет матери».

– Уход вашего отца из семьи и его новый брак были неожиданностью для вас?

– Они были неожиданностью для всех.

– Я понимаю, что ваша семья приняла решение отца в штыки. А как отнеслись к этому его друзья?

– У отца был только один давний друг, ещё со школы. Дядя Гена, извините, – поправилась она, – Евграфов Геннадий Петрович. Когда они оба поженились, стали дружить семьями. И так до развода отца с мамой.

– То есть его верный друг тоже разорвал с ним отношения?

– Так получилось. Дядя Гена и тётя Тамара расценили это как предательство. Тем более что мама серьёзно заболела после всех этих ужасных событий.

– Что с ней? – осторожно спросила Волгина.

– Сердце, – коротко ответила Дарская.

И Мирослава решила больше не касаться этой болезненной темы. Она только уточнила:

– Евграфовы по-прежнему поддерживают отношения с вашей мамой и с вами?

– Конечно!

– Если я возьмусь за ваше дело, мне потребуются их координаты.

– Естественно, – не стала спорить Дарская, – но я бы не хотела, чтобы вы тревожили маму, – голос Алевтины Артуровны неожиданно стал просительным.

– Я постараюсь избежать этого.

У клиентки вырвался выдох облегчения.

– А родственники у вас ещё есть? – спросила детектив.

– Да, дядя отца Иван Гаврилович Дарский и его жена Роза Соломоновна.

– Как они отнеслись к новому браку вашего отца?

– Отрицательно. И отношений не поддерживали, – быстро проговорила Дарская, опережая очередной вопрос детектива.

– Их адреса мне тоже понадобятся.

– Не вопрос.

– У них есть дети?

– Есть, но они живут в другой стране и здесь не бывают.

– Хорошо.

Когда Дарская покинула их дом, Морис вошёл в кабинет, сел напротив Мирославы и произнёс:

– Ну и дамочка!

– Не понравилась? – улыбнулась Мирослава.

– Нет, – честно признался он и добавил: – Я бы не удивился, если б выяснилось, что она сама и довела отца до самоубийства.

– Они не общались, – усмехнулась Мирослава.

– Мало ли какие способы можно изыскать... – задумчиво проговорил Морис.

– У неё нет мотива.

– А месть?

– Не думаю, что Дарская стала бы мстить... Она считала бы это ниже своего достоинства. К тому же тогда она не обратилась бы к нам.

– Может быть, она хитрая? – упорствовал Морис.

– Она умная. А для хитрости она слишком упёртая.

– Мало ли. Всё равно не стоит сбрасывать её сразу со счетов.

Мирослава решила пощадить его самолюбие и согласилась:

– Ты прав. Приступим к делу.

Глава 5

Вчера весь вечер они анализировали имеющиеся у них факты. А сегодня вскоре после завтрака Морис обнаружил Мирославу в саду. Она лежала на расстеленном под яблоней ковре и читала. Рядом с ней растянулся Дон.

День уже постепенно становился горячим. Было слышно, как в разнотравье тикают точно маленькие часики кузнечики. Но дремавший кот не обращал на них ни малейшего внимания.

Морис вспомнил, как Мирослава рассказывала ему, что месяц июнь в языческие времена предки славян называли «изок». Само слово «изок» в древнерусском языке означало «кузнечик», а так как кузнечики особенно лихо стрекотали именно в июне, то он и стал месяцем кузнечиков.

Морис присел рядом на ковёр:

– Что читаете?

– Перечитываю.

– ?

– Джеймса Фенимора Купера.

– Зачем?

– Хочу понять, какими американцы были изначально.

– Понятно... Но только что-то мне подсказывает, что ваше мнение о них не изменится.

Мирослава пожала плечами, потом спросила:

– Хочешь я прочитаю тебе стихотворение, которое мне тётя сегодня скинула на мобильник?

– Хочу.

Навязчивый незванный гость
Приходит и садится близко,
Уж этот мне язык английский,
Почти таков, как в горле кость.

В дверь не пускают, так в окно
Упорно лезет с видом постным.
Во многом стал уже давно
Пренеприятнейшим он просто.

В отличие от благозвучных
Других прекрасных языков.
Хотя бы взять язык французский,
Испанский или итальянский,
Молчу уже я о славянской
Когорте милых языков.

Прочь англосакское наречье!
Прошу вас, люди, не калечьте
Вам Богом данных языков!
И берегите ту любовь,
Что может стоять больше жизни.
Любовь высокую к отчизне!

И как зеницу ока берегите

Вы самобытный облик свой!
Гордитесь вы им и любите
Язык наш древний, но живой!

– Круто. А что сделать с английским языком?

– Оставить его англосаксам.

– Может быть, вы и правы, – ответил он тихо.

– В шесть у нас назначена встреча с вдовой, – перевела

Мирослава разговор на актуальную для них тему.

– У нас? – переспросил он.

– Да, ты поедешь со мной. Но на другой машине. Осмотришься в округе.

– Не возражаю. Она согласилась встретиться?

– Почему нет? Снежана сказала, что скрывать ей нечего.

– И она не удивилась, что за расследование взялся частный детектив?

– Как мне показалось, нисколечко.

– Для нас это добрый знак.

– Кто знает, поживём – увидим.

Знойный вечер не торопился менять светлое дневное одеяние на прохладный сиреневый плащ...

Солнце светило без усталости. Наверное, многим уставшим от жары людям хотелось крикнуть светилу, как когда-то кричали своим детям, выйдя на балкон или высунувшись из окон, родители: «Солнце, домой! Пора спать!»

Только солнце на то оно и солнце, чтобы поступать по сво-

ему разумению.

К счастью, на шоссе не было пробок и «Волга» Мирославы мчалась на всех парусах, пока не добралась до посёлка, в котором находился особняк Дарских.

Морис приотстал, чтобы выполнить поручение Волгиной.

Вдова сама встретила Мирославу у ворот, показала, где припарковаться, и повела в дом.

В доме было прохладно и тихо. Пахло цветами и... ванилью. Снежана Дарская провела детектива в гостиную и, едва присев, огорошила Мирославу вопросом: «Вас ведь наняла Алевтина?»

– Ну...

– Знаю, не в ваших правилах называть имя клиента, но я уверена, что это она.

– Почему вы так думаете?

– Потому что больше некому! Будете искать моих любовников?! – грустно усмехнулась она.

– Что?

– Алевтина ведь велела вам найти всех моих любовников. – Снежана рассмеялась и добавила уверенно: – Что ж, ищите, не найдёте ни одного.

Мирослава улыбнулась в ответ.

– Ну почему, почему никто не может поверить, что я любила Артура?! – набросилась Снежана с горящими глазами на детектива.

Волгина пожала плечами.

– Вы когда-нибудь читали Эмиля Золя? – неожиданно спросила женщина.

– Доводилось, – кивнула детектив...

– Помните, у него есть роман «Доктор Паскаль», где влюбляются друг в друга старый профессор и юная девушка? И ведь все читатели умилялись любви доктора Паскаля и Клотильды.

Мирослава кивнула:

– Да, красивая и печальная история. – Про себя она подумала: «Но маловероятная. Такую мог придумать в утешение себе стареющий мужчина», – однако вслух этого не произнесла.

– Вот и история моей любви получилась красивой и печальной. – Снежана быстро отвернулась, но Мирослава успела заметить заблестевшие в её глазах слёзы.

«Да, чего на свете только не бывает, – мысленно согласилась с ней Волгина, сама предпочитавшая молодых здоровых мужчин. – Это, наверное, потому, что я никогда не была всерьёз влюблена».

– Как вы думаете, кто мог желать вашему мужу смерти?

– Его дети, – не задумываясь ответила Снежана.

– И брат, и сестра?

– Сергей, может быть, и нет, – неуверенно проговорила молодая женщина.

– А первая супруга вашего мужа?

– Не знаю. Говорят, что она тяжело больна.

– Да, говорят, а ещё говорят, что именно уход мужа спровоцировал её болезнь.

– Ради бога, не смотрите на меня так! Вы осуждаете меня?

– У меня нет права осуждать кого бы то ни было, – сухо ответила Мирослава.

– Так и у всех нет, но ведь осуждают! Разве я виновата в том, что Артур полюбил меня, а я полюбила его?!

– Наверное, нет.

– Наверное... – вздохнула Дарская.

– По завещанию вы главная наследница? – неожиданно для вдовы спросила Волгина.

Снежана вздрогнула, но быстро справилась с собой и ответила с вызовом:

– Единственная.

– Тогда зачем детям доводить отца до самоубийства?

– Из мести. К тому же они не знали, что отец вычеркнул их из завещания.

– Вот как?

– Можете спросить у его нотариуса.

– Да, пожалуй. Ещё я хотела бы поговорить с вашим обслуживающим персоналом, – добавила Мирослава.

– С кем?!

– С домработницей, шофёром, горничной, садовником, если, конечно, не возражаете.

– Да, пожалуйста, – повела плечами Снежана, – только сейчас их нет. Я отпустила всех на время.

– И когда я могла бы приехать специально для этого?

– Когда вам угодно!

– Завтра в 12 дня с моим помощником.

– Хорошо.

– Благодарю вас.

– За что?

– За сотрудничество.

Снежана печально рассмеялась.

Когда Мирослава уже села в машину, Дарская окликнула её:

– Мирослава!

– Да?

– Вы мне нравитесь.

– Что?!

– Нет, ничего, это не важно.

Волгина пожала плечами и, закрыв дверь автомобиля, выехала с участка Дарских.

«Очень интересная женщина эта Снежана, – подумала Мирослава, – можно даже сказать не женщина, а сплошная загадка. Интересно, как она отреагирует на Мориса»...

Миндаугас нагнал машину Волгиной на выезде. Не выходя из салона, по мобильнику сообщил, что не нашёл ничего подозрительного. Посёлок как посёлок.

– Вот и хорошо, – ответила она, – завтра познакомлю тебя с красавицей вдовой. А сейчас я в нотариальную контору.

– А я?

– Домой.

Нотариус встретил Мирославу сухо, хотя не отказался ответить на несколько вопросов, предупредив – если ваши вопросы не будут выходить за рамки приличий.

– Не будут, – уверила его Мирослава и спросила, не просил ли Дарский приехать его к нему в ближайшее время?

– Нет.

– Нет?

Нотариус уверенно покачал головой.

– Артур Владимирович не собирался переписывать завещание?

– Нет, не знаю.

– То есть вам он не звонил и ничего не говорил?

– На эту тему нет.

– Спасибо.

– Это всё? – облегчённо спросил нотариус.

– Да. А вы ожидали чего-то ещё?

– По личному опыту знаю, что от полиции можно ожидать всего, чего угодно.

– Так я ж не полиция, – улыбнулась Мирослава.

– А частные сыщики тем более суют свой длинный нос во все щели! – в сердцах проговорил нотариус.

– Неужто у меня нос как у Буратино? – обезоруживающе улыбнулась Мирослава.

– У вас нет, извините, я не вас имел в виду, – смутился нотариус. Он вовсе не собирался распространяться о том, что

его уже навещал следователь с острым, хоть и небольшим, носом.

«Вот уж не думала, что нотариусы умеют смущаться», – с улыбкой подумала Мирослава, закрывая дверь.

Было уже поздно, но она всё-таки решила заехать к Шуре, подозревая, что он всё ещё на работе. По пути она купила пирожки с мясом и слойки с яблоками.

На пороге её встретила Элла.

– Ой, как вы поздно, – воскликнула секретарь.

– А что, Наполеонов уже ушёл?

– Нет, он там, – девушка указала на кабинет следователя, – а я уйду. – Почуяв запах пирожков, Элла спросила: – Подкормить его решили?

Мирослава кивнула.

– В таком случае сейчас сделаю вам чай и уберу.

– Я могу и сама, а вы бегите.

– Нет уж! Я в своё хозяйство никого не допускаю, – решительно заявила Элла.

– Ну хорошо, – улыбнулась Мирослава, постучала в кабинет Наполеонова и открыла дверь.

– Какого чёрта?! – прозвучал вместо приветствия голос следователя. – Рабочий день закончился!

– Ничего подобного, – ответила зайдя Мирослава и удобно устроилась за столом. – У тебя рабочий день ненормированный, – проговорила она назидательно.

– Утешила! Подруга ещё называется! Ты чего пришла?

– Соскучилась!

– А... зашился я, – признался с грустью в голосе Наполеонов.

– Я принесла тебе пирожки и слойки.

– Морис приготовил?

– Нет, извини, купила в кулинарии.

– Ладно, давай, и из кулинарии сойдут.

В кабинет вплыла Элла с подносом, расставила на столе чашки, чайник, сахар:

– Вот, Александр Романович, а я ухожу.

– Ладно, иди.

Не успела закрыться за девушкой дверь, как Шура набросился на пирожки.

– Хотела тебе сказать, что мы тоже занимаемся теперь этим делом, – тихо проговорила Мирослава.

Наполеонов промолчал, но дойдя до слоек, спросил:

– У тебя есть что-то новое?

– Нет, – вздохнула она.

– Я вот думаю, – жалобно проговорил Наполеонов, – может, он от маразма застрелился?

– От какого ещё такого маразма?! – строго спросила Мирослава.

– Ну, старость, ум за разум зашёл, склероз и всё такое.

– Шур, не говори глупости. Не было у Дарского никакого маразма.

– Тебе-то откуда знать?

– Если бы был, то окружающие заметили бы.

– Не знаю, не знаю, – покачал он головой.

– Я разговаривала с его вдовой.

– И чего?

– Ничего, говорит, что любила мужа сильно.

– Ты ей веришь?

– В жизни всякое бывает...

– Я тебя спрашиваю ни про всякое, а об этом конкретном случае.

– Не знаю, Шура! Я видела её в первый раз в жизни и не могу так сразу сказать, любила она мужа или нет.

– Но первое впечатление должно всё-таки быть.

– Первое впечатление говорит о том, что Снежана Дарская действительно находится в расстроенном состоянии.

– Пианино она, что ли? – хмыкнул Шура. – Чтобы находиться в расстроенном состоянии.

– Не пианино, но она нервничает. И ещё что-то скрывает...

– Скрывают они все.

– И ещё она женщина неглупая.

– Утешила.

– А тебе с дурами легче?

– Не знаю... Они мне редко попадаются...

– Ты сегодня домой?

– Да, ещё немного, и поеду. – И усмехнулся грустно: –

А то я так редко бываю дома, что мать скоро забудет, как я

выгляжу, и не пустит на порог.

– Пустит.

– Как знать, а то придётся просить прибежища у вас.

– Мы тебе всегда рады, и ты знаешь об этом.

– Знаю. Славка! Тебе цены нет! – Шура вылез из-за стола и бросился целовать Мирославу.

– Тю, сдурел, что ли, – сбросила она его руки со своей шеи.

– Вот, маленького все обидеть норовят! – притворно обиделся он.

– Не прибедняйся. Ладно, я поехала домой, потом созвонимся. Пока, подружка!

– Пока, дружок!

На улице стало прохладней. Воздух был таким вкусным, что его можно было пить как молодое вино.

Длинные тени то ли играли с ускользящим солнечным светом в прятки, то ли пытались переплестись с ним и удержаться в своих цепких объятиях.

Глава 6

За чашкой вечернего чая Мирослава сказала Миндаугасу:

– Завтра мы с тобой отправляемся в дом Дарских.

– Опять?

Мирослава кивнула.

– Вы там уже были. А я снова останусь на задворках, – сказал Морис.

– Нет, – улыбнулась она, – я предупредила хозяйку, что приеду с помощником.

– Вот как?

– По-моему, я произвела на неё хорошее впечатление, – задумчиво проговорила Мирослава.

– Но насколько я понимаю, Снежана уже ответила на ваши вопросы?

– Можно сказать и так... Но я хочу поговорить с обслугой.

– И она не возражает?

– Нет. Думаю, что от обслуги мы не узнаем ничего плохого ни о самой Дарской, ни о её отношениях с мужем.

– Тогда зачем нам это надо?

– За надом.

– Какой потрясающе исчерпывающий ответ, – хмыкнул Морис.

– Милый, – проговорила Мирослава ласково, – мы будем не только задавать вопросы и слушать ответы. Но и смотреть

во все глаза!

– И что мы надеемся там увидеть? Или вернее, высмотреть.

– Пока не знаю.

Через минуту она усмехнулась:

– Лично мне интересно, как Дарская отреагирует на тебя.

– Ага, – улыбнулся он, – я буду выступать в роли лакмусовой бумажки.

– Не только. Но и это тоже.

Ночью пошёл дождь и шёл почти до самого утра. Было слышно, как за окном топают мокрыми ножками капли дождя, как шепчутся с ветром листья деревьев.

Наступившее утро было ясным и с самого начала предвещало зной. Над клумбами порхали бабочки, шмели опускались на лепестки цветов, и те пружинисто прогибались под бархатной тяжестью их тел. Неустанные пчёлы торопились собрать ароматную дань.

Нет в году дней светлей и ярче, чем в июне!

Встретив детективов, вдова поздоровалась, небрежно скользнула взглядом по их лицам и сказала:

– Я предупредила персонал. Можете не стесняться и задавать любые вопросы.

– Спасибо.

– Я вам пока не нужна?

– У меня к вам небольшая просьба, – сказала Мирослава,

сделав вид, что смутилась.

– Какая?

– Можно мой помощник, пока я беседую с людьми, побудет с вами?

– Ну что ж, нет проблем, – ответила Дарская.

Но Мирослава успела заметить промелькнувшие в её взгляде удивление и лёгкую подозрительность.

– Вам где будет удобнее беседовать с моими работниками?

– На их рабочем месте.

– В таком случае вашей сопровождающей будет Алика. Это наша горничная.

Дарская позвала девушку и представила её Мирославе. А Мориса она взяла под руку и сказала:

– Идёмте в гостиную, там нам будет удобнее всего провести время наедине.

«Однако», – подумала Мирослава и обратилась к Алике:

– Ну что ж, веди меня, Вергилий!

Девушка хихикнула, но по огоньку, сверкнувшему в её глазах, Мирослава поняла, что ей известно, кто такой Вергилий, да и «Божественную комедию» Данте она, скорее всего, читала. Интересные горничные в доме Дарских... «И то хорошо», – подумала детектив. Она терпеть не могла общаться с дурочками, которые от а до я знают все новинки моды, но представления не имеют не только о Данте или Вергилии, но и имеют весьма смутное представление о творче-

стве «Солнца нашей поэзии», то бишь Александра Сергеевича Пушкина.

– С кем бы вы хотели поговорить вначале? – спросила девушка.

– С вами, Алика.

– Тогда пойдёмте в мою комнату.

Комната горничной располагалась в правом крыле на первом этаже.

– Вы здесь живёте постоянно? – спросила Мирослава.

– Да, – пожала плечами девушка, – не ездить же мне каждый день в город и обратно.

– А в городе у вас своя квартира?

– Можно сказать и так, я всю жизнь жила с родителями и младшим братом.

– Почему же вы решили устроиться работать горничной к Дарским?

– Потому что здесь хорошо платят. А мне нужны деньги.

«Деньги нужны всем», – подумала Мирослава и осторожно спросила:

– Копите на что-то конкретное? Но если это секрет, то отвечать не обязательно.

– Никакого секрета нет. Я коплю деньги на учёбу. На бюджетный поступить не удалось, – почему-то виновато улыбнулась она.

– Наверное, конкурс большой?

Алика кивнула. Мирослава решила не выпытывать, в ка-

кой именно вуз хочет поступить девушка.

Вместо этого она спросила:

– Наверное, работать у богатых людей нелегко?

– Зависит от того, у кого именно работать. Моя подружка устроилась работать к одному бизнесмену, так он в первый же день начал руки распускать, Мариша еле убежала из этого логова разврата.

– А Дарский?

– Это вы про распускание рук? – удивилась искренне Алика. – Артур Владимирович никого, кроме Снежаны Эдуардовны, не замечал. Он буквально молился на неё!

– И они никогда не ссорились?

– Лично я ничего подобного не слышала.

– А к обслуживающему дом персоналу Дарская относится терпимо?

– Хорошо она к нам относится, – сухо проговорила девушка.

И Мирослава догадалась, что хозяйка Алике нравится.

– Такое отношение не так уж часто встретишь в наше время, – заметила она.

– Вы правы, – согласилась Алика, – интеллигентных людей среди богачей мало, в основном разное мурло из грязи в князи повылезало и мнит себя пупом земли.

– Вам такие лично встречались? – улынулась Мирослава.

– Бог миловал! Но от подружек много чего наслушалась! – Девушка картинно закатила глаза.

Волгина почувствовала, что Алика с радостью готова поделиться с ней этой информацией, но ей нужны были совсем иные сведения.

– Я так понимаю, – проговорила она, – что сын Артура Владимировича так и не встретился в тот роковой день с отцом.

– Не встретился, – подтвердила её слова девушка, и её ореховые глаза потемнели.

– Вы не были знакомы с Сергеем и Лидией?

– Нет! Откуда?

– Вероятно, они были расстроены?

– На них лица не было! Как и на всех нас.

– Это правда, что вы увидели хозяйку в то время, как она пыталась войти в кабинет мужа?

– Да, – кивнула девушка.

– Это было совпадением?

– Что?

– То, что вы оказались поблизости именно в это время?

– Конечно! Не думаете же вы, что мы заранее сговорились со Снежаной Эдуардовной, – обиженно хмыкнула она.

– Нет, не думаю, – ответила Мирослава, прикинув про себя, что сговариваться с молодой горничной было бы весьма не осмотрительно со стороны Снежаны. Да и смысла в этом не было. Вот если бы дверь кабинета с убитым хозяином не была заперта на ключ изнутри, то свидетель Дарской мог бы пригодиться...

На всякий случай детектив спросила:

– Вы увидели Снежану Эдуардовну в тот момент, когда она стучала в кабинет мужа? Толкала дверь?

– Ну да, хотя погодите, я заметила Снежану Эдуардовну, когда она спешила к кабинету от лестницы.

– Спешила?

– Ну да! Внизу уже ждал сын с женой, но дело не в этом!

– А в чём?

– Зинаида Марковна, наша кухарка, сердилась, что стыннут приготовленные ею блюда. Донимала Веру Никитичну – нашу домоправительницу, а та уже звонила Снежане Эдуардовне. – Немного подумав, девушка добавила: – К тому же было непонятно, почему Артур Владимирович так долго не спускается. Наверное, это встревожило Снежану Эдуардовну.

– А что, раньше с ним такого не случалось?

– Вообще-то бывало. Он мог увлечься и забыть о времени.

– Тогда почему Снежана Эдуардовна нервничала?

– Так это же был особый случай! – Девушка воззрилась на Мирославу, точно укоряя её в недопонимании важности момента. – Артур Владимирович решил помириться с сыном! Этого он не мог забыть!

– А как относились к намечавшемуся примирению Снежана Эдуардовна?

– Нормально относилась, – пожала плечами девушка, – радовалась за мужа.

– А насколько быстро шла Снежана Эдуардовна от лест-

ницы в тот момент, когда вы её заметили?

– Я же говорю, очень быстро! Что вполне соответствует её волнению.

– Угу, – согласилась Мирослава. – А вы не заметили, как она была одета?

– Почему не заметила? – удивилась девушка. – Заметила.

– И как же?

Алика задумалась:

– Платье голубовато-зелёное, длинное, волнами.

– До пола?

– Нет. Туфли на шпильке голубые. И украшения с изумрудами. Ещё перчатки в тон платью.

– До локтя?

– Нет, короче. Но красивые. Видимо от волнения она стягивала их на ходу.

– И в дверь стучала без перчаток?

– Без.

– А куда дела перчатки?

– Комкала в другой руке.

– Потом снова их надела?

– Не видела. Но думаю, что нет, тут такое началось, что не до перчаток.

– Теперь я хотела бы познакомиться с вашей кухаркой.

– Да, конечно. Пойдёмте, Зинаида Марковна на кухне.

Они перешли в левое крыло. И вскоре оказались в огромной благоустроенной кухне.

«Как жаль, что Морис не видит всю эту красоту и чудеса современной техники», – промелькнула мысль у Мирославы. Но она тотчас подумала, что не хотела бы иметь такую кухню в своём доме. Ей больше нравилась та кухня, что была у неё, не столь оборудованная всякими прибабасами, не такая огромная, но зато в ней было уютно и царила аура покоя и тепла.

– Зинаида Марковна, мы к вам, – окликнула Алика полнуюватую милovidную женщину.

– Эта наша кухарка Зинаида Марковна, а это детектив Мирослава Волгина, – представила Алика женщин друг другу и сообщила кухарке: – Снежана Эдуардовна просила, чтобы мы ответили на её вопросы.

– Знаю я, – взмахнула полной рукой Зинаида Марковна, – хозяйка звонила и предупредила меня.

– Чаю хотите? – спросила женщина Мирославу.

– Не отказывайтесь, – быстро встряла Алика. – Зинаида Марковна такой чай готовит, что лучше всякого эликсира.

– От эликсира я, пожалуй, не откажусь, – улыбнулась Мирослава.

– И мне тоже, Зинаида Марковна, налейте, – попросила Алика, скорчив смешную умоляющую рожицу.

Кухарка рассмеялась. Усадила их за круглый мраморный столик, поставила на него три чашки с чаем и тарелку с пирогом.

– Сахар не предлагаю, – сказала она, – а пирога моего от-

ведайте.

Алика тут же утащила один кусочек, откусила, зажмурила глаза:

– С яблоками! Мой любимый!

Зинаида Марковна улыбнулась и посмотрела на Мирославу.

Та тоже взяла кусочек, откусила. Пирог действительно был вкусным.

– Волшебно, – прокомментировала она и спросила: – С корицей?

Зинаида Марковна кивнула:

– Вы тоже печёте?

– Нет, я не по этому делу, – рассмеялась Мирослава, – но мой напарник печёт с корицей и тоже очень даже неплохо.

– Ну и ладно, – покладисто согласилась кухарка и тоже взяла кусочек пирога.

Когда чай был выпит, Мирослава поблагодарила за угощение и спросила:

– Зинаида Марковна, вы помните тот день, когда не стало вашего хозяина?

– Ещё бы не помнить, – вздохнула кухарка.

– Снежана Эдуардовна и Алика говорят, что в тот день у вас простывал обед.

– Это мягко сказано! – всплеснула руками кухарка. – Давно было пора всё подавать на стол, а они всё никак не могли собраться в гостиной.

– И вы позвонили Снежане Эдуардовне?

– Нет, моё дело готовить. А с хозяевами пусть разбирается Вера Никитична, она управляет домом. Именно ей я и позвонила.

– А она?

– Она пообещала узнать, в чём там дело, и поторопить хозяев.

– И как скоро вам сообщили о гибели Артура Владимировича?

– Даже не знаю, – вздохнула женщина. – Мне показалось, что целая вечность прошла! Я тут сначала рвала и метала! Столько трудов и всё псу под хвост! А потом когда узнала, то уже не до приготовленных блюд было. Руки сразу опустились.

– Вы дорожили своим местом у Дарских?

– Почему дорожила? И сейчас дорожу. Хозяйка у нас человек справедливый, никогда не обидит, не накричит.

– А Артур Владимирович?

– Он в хозяйственные дела не вникал. Но при встрече всегда любезно здоровался, спрашивал то про здоровье, то про детей. Хороший был человек. – Зинаида Марковна прослезилась.

– А с хозяйкой Артур Владимирович тоже был любезен?

– Скажете тоже, любезен, – фыркнула кухарка. – Он с неё пылинки сдувал и на руках носил. Если уж кому и повезло с замужеством, так это Снежане Эдуардовне.

Распроставшись с кухаркой, Мирослава последовала за своим Вергилием, рассчитывая поговорить с домоправительницей.

Алика предварительно созвонилась с Герасимовой, и та предложила поговорить на летней веранде.

Девушка передала Волгиной слова Веры Никитичны, и детектив согласно кивнула:

– Прекрасно.

Они вышли из дома и прошли совсем немного по дорожке, выложенной мозаичной плиткой, среди низкой травы и окаймляющих её цв етов.

По пути Мирослава думала о том, почему она сразу окрестила Алику Вергилием... На первый взгляд дом Дарских вовсе не походил на ад. Или это только на первый взгляд?

Додумать она не успела, так как Алика радостно воскликнула:

– Вот мы и пришли.

Вера Никитична встретила их на пороге и пригласила присесть в кресла, сплетённые из ротанга. Алика сказала, что она, пожалуй, подождёт на скамейке в саду. И Герасимова тут же согласно кивнула.

– Какой вы любите сок? – спросила Вера Никитична и направилась к стоящему неподалёку холодильнику.

– Если можно, минеральную воду, – попросила детектив.

Женщина, не говоря ни слова, достала бутылку минеральной воды и запотевший кувшин с оранжевой жидкостью.

Из буфета, сделанного под старину, а возможно, и антикварного, достала два стакана. Налила Мирославе воду, себе сок, судя по цвету и аромату, апельсиновый. Всё это она проделала не торопясь и молча.

– Спасибо, – поблагодарила Волгина.

Герасимова кивнула в знак того, что благодарность принята.

«Да уж», – подумала Мирослава и сказала:

– Я детектив и вместе с полицией расследую это дело.

В ответ снова безмолвный кивок.

– Расскажите мне о том дне, когда был убит Дарский.

– Артур Владимирович застрелился, – наконец-то заговорила домоправительница и перекрестилась.

– Возможно, – не стала спорить Мирослава.

– А что, у полиции есть иные версии? – неожиданно живо спросила женщина.

– У полиции не знаю, – уклончиво ответила Мирослава, – а у меня есть.

– И какая же, если не секрет?

– Нет, не секрет. Доведение до самоубийства. А это тоже преступление.

– Ну что вы! – взмахнула на неё обеими руками Вера Никитична, – Этого не может быть!

– Почему?

– Да потому, что просто некому было его до этого доводить!

– То есть?

– Посудите сами, с детьми Артур Владимирович не общался после женитьбы на Снежане Эдуардовне, с родственниками и прежними друзьями тоже, дела его в профессиональном плане шли в гору.

– Против общения с детьми и родственниками возражала Снежана Эдуардовна?

– Ну что вы! – искренне возмутилась Вера Никитична. – Это они не хотели! А Артур Владимирович и Снежана Эдуардовна стремились к этому всей душой!

– Так, может быть, Дарский так сильно переживал из-за разрыва с детьми, что...

– Нет, нет! – не дала договорить ей домоправительница. – Без сомнения, Артур Владимирович переживал! Но он никогда не наложил бы на себя руки! Тем более в этот день он ждал сына и невестку для примирения.

– Однако он всё-таки застрелился, – тихо произнесла Мирослава.

– Да, – вздохнула женщина печально, – ума не приложу, почему он это сделал, видимо, помутнение рассудка.

– Судя по всему, Артур Владимирович не страдал психическими расстройствами?

– Не страдал, – согласилась женщина, – может, что-то мгновенное...

– Может быть, его к этому подтолкнули нелады в семейной жизни? – вновь осторожно спросила Мирослава.

– Вы что, имеете в виду их отношения со Снежаной Эдуардовной? – недоверчиво спросила женщина.

Мирослава кивнула.

– Даже и не думайте об этом! Они жили дружно, ворковали, как два голубка. Кто угодно вам это подтвердит! – уверенно произнесла домработница.

– Но ведь в любой семье бывают конфликты, пусть даже маленькие ссоры.

– А у них не было! – категорично отрезала Вера Никитична.

– Это правда, что Снежана Эдуардовна решила подняться в кабинет мужа только после того, как вы сказали ей о нетерпении вашей кухарки?

Домоправительница пожала плечами:

– Не знаю, возможно, ей неудобно было заставлять ждать гостей.

– А почему Дарская не встревожилась задержкой мужа сама?

– Да потому, что Артур Владимирович и раньше нередко, увлекшись работой, забывал, что его ждут к обеду. Ну и...

– Что – ну и?

– Не любил, когда его тревожат напоминаниями?

– То есть он ругал за это жену?

– Нет! Не ругал, но как бы огорчался.

– Понятно. А в этот раз Снежана Эдуардовна всё-таки решила напомнить мужу, что он задерживается?

– Да. Но только потому, что ждала его не она одна, но и приехавшие сын с невесткой. К тому же обед был приготовлен из особо сложных блюд, которые, постояв, теряли свой вкус и шик. Вы меня понимаете?

– Да, конечно. Но всё-таки я не могу понять, почему Снежана Эдуардовна просто не позвонила мужу?

– В этом доме не принято звонить по телефону в кабинет хозяина. – Женщина поджала губы.

Мирослава решила принять к сведению причуды покойного хозяина и спросила:

– Снежана Эдуардовна отправилась в кабинет к мужу одна?

– Естественно.

– Но там она встретила с Аликой?

– Чисто случайно.

– И послала её вниз за остальными?

– Да. Надо было открыть кабинет.

– Вы тоже поднимались?

– Нет, я оставалась с Лидой, женой сына Артура Владимировича.

– Кто поднялся сразу?

– Сын его Сергей, потом наш водитель Руслан и чуть позже садовник Иван Филатович.

– А почему садовник не поднялся сразу?

– Алика не нашла его, и телефон его молчал. Вот она и отправила ему эсэмэску.

– У вашей хозяйки есть близкие родственники?

– Только тётя Аполлинария Андреевна.

– Они часто видятся?

– Не знаю, я не слежу за хозяйкой, – пожала плечами домоправительница.

– То есть сюда в дом Дарских Аполлинария Андреевна не приезжает?

– На моей памяти это было два или три раза...

– Спасибо, Вера Никитична, вы мне помогли.

– Разве? – удивилась домоправительница.

Мирослава молча с улыбкой кивнула.

– Тогда я рада, – неуверенно проговорила женщина.

Мирослава догадалась, что она сильно горюет о кончине хозяина и боль, зажатую в тиски, не на кого ей было выплеснуть. Вот она и страдала молча, стараясь скрыть свои чувства от окружающих.

Мирослава подошла к домоправительнице и нежно сжала её руку:

– Крепитесь, Вера Никитична.

– Спасибо, – поблагодарила та, скорее не за слова, а за то тепло и сочувствие, что прозвучали в голосе детектива.

– Где мне теперь найти моего Вергилия? – спросила Мирослава.

– Кого?! – удивилась домоправительница.

– Алику. – По губам Волгиной скользнула лёгкая улыбка.

– А! Как вы её, однако, окрестили, – невольно улыбнулась

в ответ домоправительница. – Она под яблоней на скамейке сидит, сама вас увидит, как на ступенях появитесь, и тут же окажется рядом.

Вера Никитична оказалась права, не успела Мирослава спуститься на первую ступеньку, как Алика уже была тут как тут.

– Куда дальше? – спросила она.

– Пойдём, побеседуем с вашим водителем. Он на месте?

– Как штык! – кивнула девушка. – Хозяйка всех заранее предупредила.

Руслан Витальевич Зеленин действительно был на месте и, скорее всего, нетерпеливо поджидал детектива. По крайней мере, когда Мирослава увидела его, на лице мужчины промелькнуло именно это чувство...

– Здравствуйте, – сказала Мирослава, – я частный детектив и мне нужно задать вам несколько вопросов.

Он кивнул и пригласил Мирославу присесть. Алика снова испарилась.

– Расскажите мне, пожалуйста, как вы узнали о гибели хозяина?

– Как узнал? – На секунду растерялся мужчина и тут же ответил: – Увидел собственными глазами.

– При каких обстоятельствах?

– В смысле?

– Вы пришли и увидели?

– Нет, сначала ко мне прибежала Алика и сказала, что хо-

зьяин заперся в кабинете, не отзывается и дверь не открывает. Потом хозяйка сказала, что кабинет надо открыть. Мы и открыли с Иваном Филатовичем, это наш садовник.

– Вы сразу заглянули в кабинет?

– Нет, сначала хозяйка, и чуть в обморок не упала. Потом уже мы, и там такое, что немудрено, что Снежане Эдуардовне плохо стало.

– Полицию вызвала Снежана Эдуардовна?

– Нет, сын Артура Владимировича, он как раз в этот день мириться с отцом приехал.

– Они были в ссоре?

– Ну, нам, обслуге, всё это неведомо, просто слухи ходили, что, мол, дети от первого брака осерчали на отца за развод с матерью и не общаются. А наш хозяин очень хотел с ними помириться. Всё-таки родные. Вот сын и согласился пойти на мировую.

– А Артур Владимирович со Снежаной Эдуардовной часто ссорились?

– Ни разу такого не слышал, – удивлённо проговорил водитель.

– То есть жили дружно?

– Дай бог всякому так жить, – ответил мужчина.

– Снежана Эдуардовна не возражала против общения мужа с детьми?

– Нет, конечно, наоборот, переживала.

– И откуда вам это известно?

– Так опять же слухи, – прищурил он один глаз.

– А родственники самой Снежаны Эдуардовны часто приезжали в гости к Дарским?

– Да у неё из всех родственников, кажись, одна только тётка. Сюда она редко приезжала. Но я время от времени отвозил хозяйку на встречу к тётке, они встречались в кафе, рестораниках, в театре или у тётки дома. Потом опять же она не всегда ездила со мной. У неё и своя машина есть.

– Руслан Витальевич, – обратилась к водителю Мирослава, – вы верите, что Артур Владимирович мог покончить с собой?

– Не верю, – вздохнул мужчина, – но от факта никуда не деться.

– У вас есть предположения, что могло его подтолкнуть к роковому шагу?

– Понятия не имею! Я много лет знал Артура Владимировича и чтоб он такое сотворил с собой при его-то неиссякаемой энергии и любви к жизни?! Нет, у меня это в голове не укладывается.

– Ну что ж, спасибо вам, – сказала Мирослава и распрощалась с Зелениным.

– Теперь к Черешне? – спросила поджидавшая её Алика.

– К черешне? – рассеянно переспросила Мирослава. Но тут же вспомнив, что фамилия садовника Черешня, кивнула: – Да теперь к нему.

Ивана Филатовича они нашли в саду, вернее, в розарии,

где он аккуратно подстригал и подвязывал кусты роз.

– Какая красота! – искренне восхитилась Мирослава.

На лице садовника расцвела гордая улыбка, какая обычно появляется у родителей, когда кто-то искренне хвалит их любимых детей.

Мирослава наклонилась и понюхала цветок на кусте чайной розы.

– Какой тонкий и нежный аромат! – невольно вырвалось у неё.

Черешня так и сиял от удовольствия.

– Сейчас так часто стали выращивать цветы без аромата, – вздохнула грустно Мирослава.

Садовник кивнул:

– Есть такая тенденция, но я предпочитаю цветы, которые радуют не только глаз, но и душу.

Мирослава одарила его благодарным взглядом, и садовник оценил это.

– Вы детектив? – спросил он, проследив глазами за отходящей в сторонку Аликой.

– Да.

– Хозяйка звонила, давайте присядем вон на ту скамеечку и поговорим.

Мирослава согласно кивнула и проследовала за ним. Они расположились так близко от цветущих роз, что даже едва заметный ветерок доносил до них запах цветов. Мирослава догадалась, что садовник специально выбрал именно эту ска-

мью, чтобы доставить понравившейся гостье удовольствие.

«Хотя, – грустно улыбнулась она про себя, – гостья-то я незваная и непрошенная».

– Иван Филатович, расскажите мне, пожалуйста, как вы узнали о гибели хозяина.

– Так увидел собственными глазами! – ответил садовник теми же словами, что и водитель.

– Начните с того места, когда вы узнали о просьбе хозяйки подняться к кабинету Дарского.

– А, так мне Алика эсэмэску прислала.

– То есть она вас не нашла?

– Ну не бегать же девчонке по всему саду, теплицам и оранжерее.

– У вас такое большое хозяйство?

Он кивнул.

– И вы со всем этим один управляетесь?

– Управляюсь. Сезонных рабочих редко нанимаем.

Мирослава про себя отметила слово – нанимаем. То есть садовник считал себя как бы частью семьи... И это можно было засчитать плюсом чете Дарских.

– Вы прочитали эсэмэску и сразу поднялись к кабинету работодателя?

– Да.

– Там уже кто-то был?

– Разумеется! Снежана Эдуардовна, сын Артура Владимировича Сергей, Руслан, наш водитель, и Алика.

– И что они делали?

– Пытались достучаться до хозяина. Потом решили открыть кабинет. И Руслан ушёл за инструментами.

– Что вы лично подумали, когда Дарский не отзывался и не отпирал дверь?

– Я, как и все, подумал, что Артуру Владимировичу стало плохо с сердцем.

– Откуда вы знаете, что подумали другие?

– Так мы же разговаривали, обсуждали!

– Понятно. Зеленин принёс инструменты, и?

– Мы открыли дверь.

– И вошли?

– Сначала вошла Снежана Эдуардовна. Вернее, даже не вошла, а посмотрела с порога.

– И что?

– Ей стало плохо, когда она увидела мужа. А потом и мы увидели.

– Что именно увидели?

Садовник вздохнул и ответил:

– Хозяин лежал вниз лицом в луже крови. В руках он сжимал ключ от двери. Наверное, хотел открыть кабинет и позвать на помощь, но силы оставили его. – Черешня быстро отвёл глаза, и Мирослава догадалась, что он хочет скрыть от неё слёзы.

Она выждала минуту, позволив ему справиться с чувствами, и спросила:

– Кто вызвал полицию?

– Не помню... кажется, сын Артура Владимировича.

– Что делали все до приезда полиции?

– Ждали. Мы хотели проводить Снежану Эдуардовну в соседнюю комнату, чтобы она прилегла, но она отказалась.

– Сильная женщина.

Черешня согласно кивнул.

– Наверно, Дарские, несмотря на разницу в возрасте, любили друг друга?

– Артур Владимирович любил жену очень сильно. Думаю, что и она его любила. Они так дружно жили, что их можно назвать образцовой парой.

– Что, и никогда не ссорились?

– Лично я не слышал. Но об этом лучше спросить тех, кто постоянно в доме, ту же Алику. – Садовник кивнул на прижавшуюся спиной к стволу груши девушку.

– Вы правы... Я так и сделаю.

Садовник снова вздохнул и посмотрел куда-то, то ли вдаль, то ли в глубину собственных мыслей.

– Иван Филатович, – позвала его Мирослава.

– Да?

– А родственники часто приезжали к Дарским?

– Родственники? – переспросил мужчина и покачал головой.

– Не знаете почему?

– Так родные Артура Владимировича рассорились с ним

из-за развода с первой женой. А у Снежаны Эдуардовны и нет их вроде. Сюда только тётка приезжала пару раз.

– Симпатичная старушка?

– Старушка?! – Садовник уставился на детектива удивлёнными глазами.

– Я что-то не так сказала? – улыбнулась она.

– Нет, то есть да. Она не старушка!

– Вот как?!

– Да, ей на вид ещё и сорока нет.

– Может, пластика? – предположила Мирослава.

– Что? – не понял садовник.

– Возможно, она делала пластические операции...

– Чего не знаю, того не знаю. Но тётка Снежаны Эдуардовны женщина молодая, – уверенно ответил Черешня.

«Что ж, всякое бывает, – подумала Мирослава, вспомнив свою тётю Викторию, – разберёмся». – И поднялась со скамьи.

– И красавица! – выпалил неожиданно садовник.

– Что?

– Тётка эта красавица! Глаз не оторвать!

– Вот как?

– Писаная!

– Они со Снежаной Эдуардовной сильно похожи?

Садовник покачал головой:

– Я бы сказал, что они разные...

Мирослава решила не уточнять, как выглядит тётка Сне-

жаны, но садовник сам не удержался и сказал:

– Она рыжая и зеленоглазая.

– Вы близко рассмотрели её?

Он кивнул:

– В первый её приезд я как раз стриг траву возле ворот и увидел, как она выходила из автомобиля. – Он зацокал восторженно языком.

– Понятно, – улыбнулась Мирослава, – спасибо за помощь, Иван Филатович.

– Неужто я хоть чем-то вам помог? – недоверчиво спросил садовник.

– Конечно, – уверила его Мирослава.

– Вы тоже очень красивая, – неожиданно сказал Черешня.

И Мирослава, рассмеявшись, помахала ему рукой. Алика присоединилась к ней, когда детектив ступила на дорожку, ведущую к дому, и вошла в дом вместе с Мирославой.

– Алика, ты не знаешь, где может находиться Снежана Эдуардовна? – спросила детектив.

– В гостиной, думаю, я вас провожу.

– Спасибо.

Хозяйка дома действительно была в гостиной вместе с Морисом.

– Я больше не нужна? – спросила Алика и, услышав отрицательный ответ Снежаны, тут же испарилась.

Морис всё это время провёл наедине с Дарской. В первое мгновение ему показалось, что она не в восторге оттого,

что, удалившись с Аликой, Мирослава не прихватила с собой и его. Но вскоре Снежана стала любезной и вела себя так, словно общение с ним доставляло ей удовольствие. И Морис никак не мог понять, действительно ли она наслаждается их беседой или искусно притворяется. Ведь Снежана – жена великого актёра и вполне могла многому научиться у мужа. Она предложила ему выпить чай, и он согласился, надеясь, что за чаем разговор потечёт более непринуждённо.

– Вы давно работаете детективом? – спросила Дарская как бы вскользь.

– Более трёх лет, но я, скорее, помощник детектива, – улыбнулся он.

– Наверное, это очень опасная работа? – спросила она, по-девичьи наивно взмахнув ресницами.

– Как вам сказать, – пожал он неопределённо плечами и обезоруживающе улыбнулся.

Снежана картинно потупила взор.

И Морис добавил:

– Бывает, конечно, всякое, но в основном работа у нас рутинная и не представляет физической опасности.

Это было не совсем так, но Морис решил не волновать и без того расстроенную женщину.

– Хотите, я покажу вам наши фотографии? – неожиданно для него предложила Снежана.

– Да, очень хочу! – тотчас откликнулся он.

Она поднялась и вскоре вернулась сразу с несколькими

альбомами. Снежана раскрыла один из них:

– Вот это наша свадьба.

Морис с интересом рассматривал свадебное платье Снежаны, выполненное в стиле конца девятнадцатого века, вуаль, которую несли за ней два маленьких ангелочка. Сам Дарский был в чёрном фраке, белой манишке, на голове его красовался цилиндр.

– Романтичная у вас была свадьба, – проговорил Морис.

– Да, очень, – печально вздохнула Снежана, – а потом у нас было кругосветное путешествие.

Дарская листала плотные страницы альбома, и перед глазами Мориса проплывали прекрасные виды Старой Европы. Сердце его сжала невольная печаль, и он подумал о том, что вскоре Европа станет совсем другой...

Снежана открыла второй альбом:

– А это мы с Артуром в Каннах.

Её глаза загорелись, и она стала рассказывать об успехах мужа и об их последней поездке в Канны.

– И как вам Канны? – спросил Морис осторожно.

– Чудесно! А вы бывали там?

– Да.

– И что?

– Провинциальный городок, – отозвался Морис бесстрастно, и Снежана Дарская не поняла, шутит он или говорит серьёзно.

– Вы родились в России? – спросила она неожиданно.

– Нет, в Литве.

– А что заставляет вас жить здесь?

– Любовь, – ответил он серьёзно.

– Понимаю.

– К приключениям, – добавил он и улыбнулся.

– Вот как?!

Он кивнул.

– В Литве отсутствуют острые ощущения, – попыталась пошутить Дарская.

– Напрочь, – подтвердил он и поскущел, всем своим видом давая понять, что продолжать разговор о своей малой родине он не желает. Морис хорошо помнил, как совсем недавно они чуть было не рассорились с Мирославой. Он, желая расположить её, стал рассказывать, что некогда в русско-литовском государстве русский язык был главным и что первые правители Литвы были христианами.

– То, что было, кануло в Лету, – ответила Мирослава, – а теперь Литва представляет собой не что иное, как агрессивно настроенное по отношению к России карликовое государство.

Морис удержался от ответной реплики, просто отвернулся и больше не возвращался к этому разговору, свято веря в душе, что настанет время, когда Литва и Россия будут жить в мире и согласии.

– Я знаю, что делом гибели моего мужа занимается полиция, – тем временем перевела Дарская разговор на другую

тему, – но предполагаю, что им ничего существенного выяснить не удалось. А вам?

– Нам пока тоже, – мягко ответил Морис.

– Вас ведь наняла дочь Артура? – спросила Снежана.

Морис приложил палец к губам:

– Тсс.

– Что такое? – Снежана быстро оглянулась.

– Детективы не разглашают информацию о своих нанимателях, – пояснил он своим бархатным голосом.

– А! Но я и так знаю, что это Алевтина.

Лицо Мориса оставалось бесстрастным. Он с самого начала предполагал, что Снежана попытается ненавязчиво выяснить всё, что ему известно. Но она, кажется, не собиралась искать окольных путей, решив действовать напрямик.

– Понимаете, Артур очень переживал ссору с детьми, – сказала она, не отводя от лица Мориса своих чарующих аквамаринových глаз...

– Вы думаете, что это могло подтолкнуть вашего мужа... –

Он не произнёс слова «самоубийство», щадя её чувства.

Снежана быстро закачала головой:

– Я не верю в это!

– Да, эта версия вызывает сомнения, – согласился он осторожно, – тем более что вашему мужу удалось уговорить сына приехать к вам.

– Да. Но я думаю о том, что его дочь могла предпринять какие-то шаги.

– Какие именно?

– Не знаю, – вздохнула Снежана и провела рукой по своим роскошным золотистым волосам.

– Она ведь не могла проникнуть в кабинет вашего мужа...

– Физически нет, но она могла стоять за его спиной как призрак!

Морис с недоумением уставился в глаза женщины, продолжающие сиять влажным аквамарином.

– Ах, не смотрите на меня так! – Она сделала вид, что смутилась, а потом воскликнула с болью в голосе: – Я не сошла с ума! Просто Алевтине удалось окружить своего отца стеной почти физически ощущаемой враждебности!

– Вот как? – сделал вид, что удивился Морис.

– Посудите сами, – горячо заговорила вдова, – она настроила против Артура своего сына! А муж не чаял во внуке души! Сделала так, что от него отвернулся родной дядя и самый близкий друг.

– Вы думаете, что Алевтина Артуровна могла оказать давление на взрослых людей, проживших долгую жизнь? Я имею в виду дядю и друга вашего супруга.

– Конечно, могла! – Глаза Снежаны широко распахнулись. – Вы забываете, что первая жена Артура заболела после их разрыва, и это стало мощным оружием в руках Алевтины.

– Вы не знаете, дочь звонила отцу?

– Думаю, что нет, иначе Артур сказал бы мне, – слегка растерялась вдова, – а почему вы спрашиваете об этом?

Не отвечая на её вопрос, Морис задал свой:

– То есть угрозы и шантаж со стороны Алевтины Артуровны вы исключаете?

– Полностью я ничего не могу исключить, – замялась женщина. – Но скорее всего она действовала скрытно.

– То есть?

– Создавала вокруг Артура атмосферу, в которой он начал задыхаться!

– Но у него были вы! Феерические успехи в профессии!

– Да, это всё так, – неохотно согласилась Снежана, – и всё-таки что-то же заставило мужа убить себя. – В её глазах блеснули слёзы. Слёзы были настоящими, и Морис увидел, как две крупные слезинки выкатились из глаз женщины и покатались по щеке.

– Не плачьте! – вырвалось у него помимо воли.

– Простите, – проговорила она, вытащила крохотный кружевной платочек и осушила влагу.

Морис не сводил глаз с лица красавицы, сочувствуя ей и в то же время пытаясь понять, что же заставило эту молодую прелестную женщину выйти замуж за Дарского, мужчину преклонного возраста. Несомненно, талантливого актёра, но всё же. Его обаяние? Головокружительный успех, в котором она купалась вместе с ним? Богатство? Наверное, и то, и другое, и третье. А ещё Морис подозревал, что Снежана не настолько пылкая женщина, какой может показаться на первый взгляд. И некоторый холодок, свойственный её

натуре, позволял ей удовлетворяться мужем-отцом, не требуя пылкой чувственности более молодого партнёра.

– Мне будет очень трудно без Артура, – вздохнула Снежана, – если честно, я даже представления не имею, как мне жить без него.

– Но у вас есть родственники...

– Только тётя. Я её, конечно, очень люблю, но она ведь не может заменить мне любимого мужа.

Морис не знал, что сказать, отлично понимая, что никакие слова соболезнования и утешения в таких случаях не работают. Поэтому он просто промолчал.

На его счастье, появилась Мирослава в сопровождении Алики. Снежана тотчас отпустила девушку и перенесла всё своё внимание на детектива.

– Вы узнали всё, что хотели? – спросила она Мирославу.

Та улыбнулась в ответ:

– Увы, ещё никто и ни разу не удовлетворил моё профессиональное любопытство полностью. Но я благодарна вам, Снежана Эдуардовна, что вы не стали чинить препятствий...

– С какой стати мне их чинить? Ведь я заинтересована в установлении правды, – ответила Дарская. – И называйте меня просто Снежана. – Она окинула Мирославу взглядом, и та почувствовала, словно ее обволок кокон, и невольно тряхнула головой, освобождаясь от наваждения.

Вскоре детективы уже сидели в своём автомобиле.

– Домой? – спросил Морис.

Ответить Мирослава не успела, её сотовый залился трелью иволги – флиу-фли.

– Да, – отозвалась она, узнав высветившийся номер.

– Я поражён в самое сердце! – донёсся до неё голос Наполеонова.

– Чем, Шурочка?

– Тем, что ты сразу взяла в руки телефон.

– Это потому что мы в автомобиле.

– Мы – это кто?

– Я и Морис.

– Слава богу, – вздохнул Наполеонов, – а то я уж подумал невесть что.

– Переходи к делу, дуэнья, – хмыкнула Мирослава.

– Думаю, что тебе интересно будет узнать. Сделаны распечатки звонков с телефона Дарского. – Наполеонов сделал паузу.

– Шура, не тяни!

– Короче, там особенно интересны эсэмэски, приходившие с одного и того же номера.

– И чем они интересны?

– Дарского шантажировали!

– Вот как...

– Подробности, как понимаешь, при встрече.

– А номер телефона на кого?

– На алкаша, – сердито фыркнул следователь.

– Вы его нашли?

– Да, но толку-то!

– Понятно. Ты сегодня к нам приедешь?

– Если ничего неожиданного не приключится.

– Хорошо, до вечера.

– Эх, подруга, погоди, не отключайся!

– Что ещё?

– Поцелуй там за меня Мориса.

– Он за рулём!

– Ну и что? – сделал вид, что не понял Наполеонов.

– Ты хочешь, чтобы мы куда-нибудь врезались?

Следователь расхохотался и отключился.

– Что сказал Шура? – спросил Миндаугас.

– Просил тебя поцеловать.

– И что же?

– Я тебя поцелую, – пообещала она таким тоном, что ему сразу вспомнился фильм «Здравствуйте, я ваша тётя».

Он хмыкнул и проговорил:

– Я захочу.

Она проигнорировала его ответ и спросила:

– Морис, как тебе Снежана?

– По-моему, имя ей родители подобрали верно...

– В смысле? – не поняла Мирослава или сделала вид, что не поняла его намёка.

– Она умеет держать себя в руках, хотя и обронила пару слезинок...

– Тебе не кажется это странным?

– Что?

– Что она не запала на тебя?

– Шутите?! Женщина только что потеряла любимого мужа!

– Ты прав, я шучу.

Вечером Наполеонов не приехал, позвонил на стационарный телефон и сообщил Морису, что не может вырваться с работы.

Так что вечер они провели вдвоём, вернее, втроём, так как Дон постоянно был рядом, отлучившись только на короткую вечернюю прогулку по саду.

На следующий день Мирослава, подгадав под обеденный перерыв Наполеонова, поехала к нему на работу. Следователь с энтузиазмом согласился пообедать вместе с ней.

Недолго думая, она повезла его на набережную в кафе «Жемчужина», которую любила не только за недорогую, хорошую кухню, но и за возможность полюбоваться Волгой.

Оставив машину на верхней стоянке, они не спеша спустились по мраморным ступеням, по обе стороны которых цвели петунии, выпуская слабый аромат. Поодаль серебристо-зелёными струями стекали до земли облиственные ветви ив.

Дойдя до кафе, они, как всегда, выбрали столик у окна. Шура принялся изучать меню. Хотя оба понимали, что это всего лишь игра и заказывал Наполеонов обычно всегда одно и то же – приличный кусок мяса с картошкой, овощной салат

и пирог или рулет с яблоками.

Мирослава заказала жареную речную рыбу, салат и кусочек яблочного пирога. Шура с жалостью посмотрел на этот крохотный кусочек и с превеликим удовольствием оглядел свои полные тарелки.

Уголок рта Мирославы дрогнул в улыбке, которую она попыталась скрыть. Но друг детства был начеку.

– Смейся, смейся, – сказал Шура и принялся за еду.

– Как хорошо здесь, – сказала Мирослава.

– Угу, – согласился с полным ртом Наполеонов.

– Шура! Я тебя обожаю! – вырвалось у Волгиной.

– Я знаю, – проглотив мясо с картошкой, ответил Наполеонов.

– И что бы я без тебя делала?! – рассмеялась Мирослава.

– Без меня твоя жизнь была бы безрадостна и лишена всякого разнообразия, – ответил он с серьёзным видом.

– Это точно, – продолжая улыбаться, согласилась она. – А теперь рассказывай мне про эсэмэски, – попросила Мирослава, после того как Наполеонов собрал с тарелки с пирогом всё до последней крошки.

– Видишь ли, кто-то регулярно слал Дарскому эсэмэски угрожающего характера.

– И требовал у него денег?

Наполеонов покачал головой:

– Он у него ничего не требовал.

– Интересно! Но его жена ничего об этом не говорила!

– Наверное, он не хотел её расстраивать.

– Чем именно угрожали?

– Вот чем именно и неизвестно. Текст примерно одинаковый во всех посланиях; «Скоро ваша грязная тайна выйдет наружу».

– И на протяжении какого времени приходили Дарскому эти эсэмэски?

– Нам удалось отследить четыре месяца.

– Так, если рассуждать логически, то Дарский должен был чувствовать себя не в своей тарелке.

– Выходит, так.

– Но никто не замечал, что он был чем-либо расстроен.

– Он актёр и мог держать себя в руках.

– Или знал, что никакой грязной тайны не существует и шантажист блефует.

– Тем не менее неизвестный продолжал слать эсэмэски?

– Да.

– Мне непонятны здесь две вещи, – проговорила Мирослава.

– Какие?

– Почему неизвестный не выполнил свою угрозу и почему Дарский не поменял номер телефона.

– Да, согласен, это странно. Но ты же сама сказала, что тайны могло и не быть.

– Я думаю, что их присылал либо психически больной человек, либо некто, кто хотел помотать актёру нервы.

– И ты склоняешься ко второму варианту?

Мирослава кивнула.

– Мне тоже приходила в голову именно эта мысль, – вздохнул Наполеонов.

– А что вам удалось добиться от типа, на которого зарегистрирован номер?

– Практически ничего, – вздохнул Шура.

– Рассказывай.

– Гражданин Дубовец проживает на улице Есенина в однокомнатной квартире. Нигде не работает.

– Что же является источником его дохода?

– Что Бог пошлёт, – недобро усмехнулся следователь. – Собирает бутылки, роется в помойках, попрошайничает и, думаю, тащит всё, что плохо лежит. Но сама знаешь, не пойман – не вор.

– Он рассказал, кто попросил его купить телефон?

Дубовец заявил, что не мы первые задаём ему этот глупый вопрос.

– Вот как? – Мирослава заинтересованно посмотрела на следователя. – Ты не думаешь, что Дарский нанял частного детектива?

– Вполне возможно, – отозвался следователь.

– Было бы неплохо узнать, кто именно расспрашивал Дубовца, – задумчиво проговорила Мирослава. – Дубовец не описал его?

– Описал.

– Ну и?

– Высокий мужчина в чёрном плаще, чёрной шляпе и чёрных очках.

– Да уж, – вздохнула Мирослава, – а как он описал того, кто попросил его купить телефон?

– Это была она.

– Она?

– Да, горбатая старушка, одетая в старьё.

– Понятно. Кто-то подстраховался вдвойне. Сначала нанял старушку и попросил её уговорить Дубовца купить телефон...

– Типа того. Но Дубовец мог быть личным выбором старушки. Нанимателю же могло быть всё равно, на кого будет зарегистрирована симка.

– Тоже верно, и навряд ли мы здесь сумеем что-то раскопать.

Наполеонов вздохнул:

– Я велел оперативникам обшарить дворы, метро и прочие места поблизости. Может, найдётся старушка. Но пока ничего.

Они расплатились за обед, и Волгина отвезла друга в следственный комитет.

* * *

Зацвёл жасмин, который Мирослава просто обожала!

Кусты в её саду были подобраны с разными сроками цветения, так что белые ароматные цветы радовали и пленяли обитателей дома и гостей в течение полутора месяцев.

Приехала тётка Мирославы вместе со своим молодым мужем Игорем, и все расположились пить чай на открытой террасе.

Так хорошо было сидеть в плетёных креслах, прихлёбывать из чашечек зелёный чай с жасмином и смотреть на ароматное белое кружево, покрывающее кусты так, что листья служили всего лишь огранкой, подчёркивая невесомую красоту цветов.

Лес замирает, млеет в зное,
Но тем пышней цветёт жасмин, –

тихо процитировала Виктория строки Бунина.

Цветёт жасмин. От белых звёзд
Всю ночь светло в саду нагретом, –

выдохнула так же тихо Мирослава стихи Николая Рыленкова.

Морис подумал, что, пожалуй, только июнь с таким завораживающим упоением купается в свете долгих дней и словно крылья ангела простирает над землёй божественный аромат жасмина.

Ночи же в июне походили на короткий взмах ресниц. Но и

в этих коротких ночах есть своё волшебство – соловьиные трели, полные любовного томления и такой нежности, что сердце невольно замирает. Может быть, это всё и есть счастье?

Из раздумий Мориса вывел голос Виктории.

– А знаете, – сказала она, – ведь «филадельфус» – научное название жасмина – произошло от греческих слов – *phileo* – любить и *adelphos* – брат.

– Ты, дорогая, намекаешь на братскую любовь? – улыбнулся её муж Игорь.

– Да я собственно ни на что не намекаю, – пожала плечами Виктория, – просто, по одной из версий, название растения связано с его тесно сближенными супротивными побегами.

– Как скучно! – фыркнула Мирослава.

– Есть ещё одна версия, может, тебе она понравится больше, – задумалась Виктория.

– Тётя, не тяни!

– Возможно, научное название жасмина дано ему в честь древнеегипетского царя Птолемея Филадельфа, покровителя наук и искусств, который не только обожал жасмин, но и занимался естественной историей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.